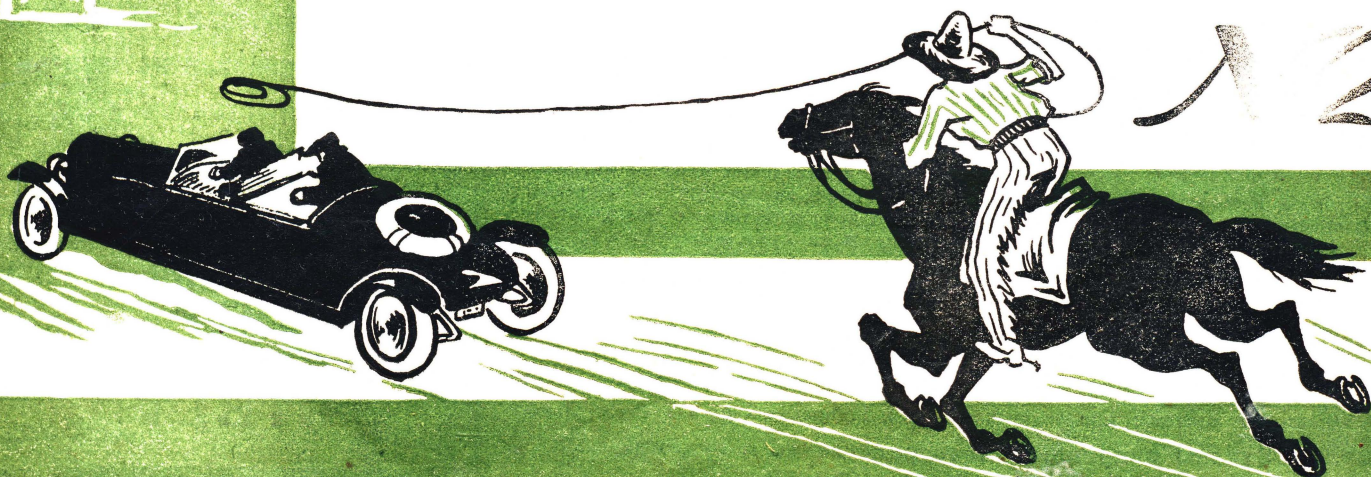
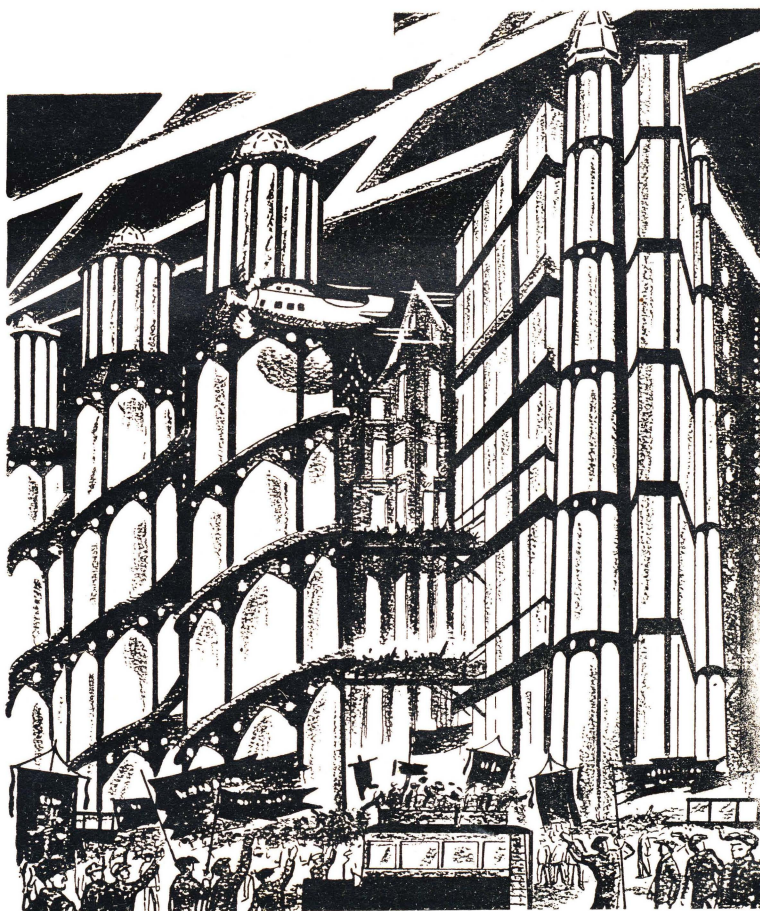

Вокруг Света

12

Минимальный усовершенствованный

СЧЕТЧИК

Цена 50 коп.

Доступен всем без затраты труда, без наставления, дает готовые результаты умножения, деления, вычисления процентов, автоматически. Высыл. немедл. по получ. заказа и 5 коп. За перес. и упак. 17 коп., всего 67 коп. (можно марж.). Заказы и деньги направлять: Москва, Почтамт, почтовые ящики 1.083, автору А. И. ЦУКЕРШТЕЙНУ.

Единственный по своей легкости. Общий цифровой самоучитель

ДЛЯ ГИТАРЫ
МАНДОЛИНЫ и БАЛАЛАЙКИ,
с новыми песнями, романсами
и проч. высылается за 2 р. 85 к.

ДЛЯ ГАРМОНИИ
(двухр.) такой же самоуч. с 30 му-
зык. №№, высл. за 2 р. 85 к.
Адр.: Москва, ул. Герцена, 22—17.
Книжное дело „Просвещение“.

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗ.

не следует изучать по устарелым
методам. Найдшим признан по-
вейший метод Мертнера, не тре-
бующий заучивания слов и правил.
Самоучитель немецкого яз.,
состоящий из 10 выпусков, в обра-
ботке Б. Шмелева и доп. Госуд.
Ученым Советом, высылается за
2 р. 85 к. Такой же английский
самоучитель (практич. грамм.)
высылается за 3 р. 15 к.
А. р.: Москва ул. Герцена 22—17.
Книжное дело „Просвещение“

НОВАЯ КНИГА ДОМАШНИЙ РЕМЕСЛЕННИК САМОУЧИТЕЛЬ

ВСЕХ РЕМЕСЛ В ОДНОЙ КНИГЕ:

плотничьи, столярные, токарные, от-
делка деревянных изделий, корзиноч-
ные, бочарные, картонажные, перо-
плетные, проволоочные, кузнечные, сле-
сарные, токарные по металлу, пая-
ние, лужение, никкелирование, выделка
овчин, варка мыла, выделка щеток,
костей, веревок, производство крахма-
ла, зеркальные, обувные, гончарные,
печные, малярные и штукатурные
работы, детекторный радиоприемник.

Со 148 рис. Ц. с перес. 3 р. 50 к.
Можно посылать мелж. почт. марками.
Заказы и деньги направлять:
Книжный склад „КНИГОВЕД“.
МОСКВА, 19, ул. Герцена, 22/Е.

Охотникам, любителям животных, школам, библиотекам и всем интересую- щимся животными рекомендуются РЕДКАЯ КНИГА Владимир ДУРОВ. ДРЕССИРОВКА ЖИВОТНЫХ

СОБАК, КОШЕК, ПТИЦ, ЗВЕРЕЙ и пр.
Книга написана на основании 40-лет-
него изучения животных, изложена до-
ступным языком, является прекрасным
руководством по ДРЕССИРОВКЕ и читается
с большим интересом всеми.

В книге 604 страницы и много ри-
сунков. Цена 3 р., с пересылкой 3 р.
75 коп. (При высылке денег или почт.
марок вперед высылается за 3 рубля)
Книгопродавец, обычная скидка.
Книжный склад КНИГОВЕД
МОСКВА, 19, ул. Герцена, 22/Е

НОВИНКИ!

Евдокимов. Практическая фото-
графия, в 3 частях, 384 стр.
129 рис. 3 р. * Его-мо. Как по-
лучить х. роший негатив. 80 к.
* Рудь. 2.000 ратич. техно-
химич. рецептов. 3 р. 50 к.
* Дедрина. Кухня на плите
и примусе. 550 мясных и веге-
тарнах. блюд. 1 р. 20 к. * Фе-
теилиоз. Ветроподвигатели для
мельниц, водокачек, станков и
электростанц. 176 стр. 2 р. 50 к.
* Кнейл. Мое водолечение.
1 р. 25 к. * Янобзон. Опаизм
у мужчин и женщины. 2 р. 50 к.

НОВЫЙ АЛЬБОМ РИСУНКОВ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНИЯ

из дерева. Около 250 деталей
на 30 листах. Состав. худож.
Тараканов. 3 р. (с пересылкой
3 р. 50 к.). Цены без пересыл-
ки. Высылает наложен. платеж.
Книжный
МАГАЗИН А. С. СТЕПАНОВА
ЛЕНИНГРАД, 28, просп. Воло-
дарского, 31.

Читателям „Вокруг Света“

Все отдельные номера журнала могут
выписываться из конторы (Ленинград,
Фонтанка, 57) по цене 15 к. за номер

Деньги можно высылать марками.

СПЕШИТЕ ПОДПИСАТЬСЯ
НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ
„КРАСНАЯ ПАНОРАМА“

Вокруг Света

В 1928 году дает своим подписчикам
добавочно:

24 книги ТРЕХ ИЗВЕСТНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

А. КОНАН-ДОЙЛЬ — увлекательный рассказчик разнообраз-
ных приключений известного Шерлока
Холмса, занимательный автор научно-фантастических произведений, обще-
признанный мастер исторического романа. Наши читатели получат лучшие
произведения: приключения Шерлока Холмса. — Новые приключения
Шерлока Холмса. — Долина ужаса. — Баскервильская собака. — Изгнан-
ники. — Потерянный мир. — В адюльтер хвосте.

Все книги богато иллюстрированы.

ЦЕНА по предварительной подписке 3 РУБ.

Д. КЭРВУД — прекрасный наблюдатель жизни Севера и знамени-
тый автор приключенческих романов, которые усваи-
ваются читателем, как подлинные происшествия. Читатели получат: У исто-
ков реки. — Долина молчания. — Пылающий лес. — Мужество капитана
Плюма. — Вредяги севера. — Золотая сетка. — Старая дорога.

Все книги иллюстрированы.

ЦЕНА по предварительной подписке 2 РУБ. 50 КОП.

Г. УЭЛЛС — известный автор научно-фантастических романов, в ко-
торых он рассказывает о нападении марсиан на нашу
землю, изобретает пицу, удостаивающую размеры каждого живого существа,
описывает первых людей на луне, соединяет тело животного с мозгом чело-
века и т. д. Читатели получат: Первые люди на луне. — Борьба миров. —
Пища богов. — Остров д-ра Моро. — Когда спящий проснется. — Неви-
димка. — Страна слепых. — Машина времени.

Все книги с многочисленными иллюстрациями.

ЦЕНА по предварительной подписке 2 РУБ. 50 КОП.

Подписывающиеся на всех трех авторов уплачивают 7 р.
(Рассрочка платежа: при подписке—3 р., к 1 апреля—2 р., к 1 июня—2 р.).

Заказы направлять непосредственно в редакцию:
ЛЕНИНГРАД, 2, ФОНТАНКА, 57.

ВНИМАНИЮ П

ЖУРНАЛА

Вокруг Света

Для подписчика, полу-
чающего журнал непо-
средственно от изда-
тельства бандеролью с
наклейкой, установлен по-
стоянный его номер.

Номер помещен в ле-
вом углу наклейки.

При запросах, связан-
ных с подпиской на жур-
нал, его доставкой и пр.
следует обязательно ука-
зывать этот номер.

УКАЗАНИЕ
НОМЕРА
УСКОРИТ
ОТВЕТ

О
Д
П
И
С
Ч
И
К
О
В

ЖУРНАЛ
ПУТЕШЕСТВИЙ
ОТКРЫТИЙ,
ИЗОБРЕТЕНИЙ,
ПРИКЛЮЧЕНИЙ.

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА

Лгр., Фонтанна, 57.

„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

Тлф. 175-38.

Вокруг Света

№ 2

1928 г.
ЯНВАРЬ
15

ГОД ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ

Содержание: ** Без маски. — Л. Лебедеко. „Провокация мистера Каттоу“ — П. Ж. Т., „Стальной замок“. — Л. Кохан-Доиль, Загадка Торского моста — В. Ж., „Непобедимая вершина — Джонсон. Жихо у людоедов“ и т. д.

БЕЗ МАСКИ...

НЬЮ ИОРК. Морган избран председателем Стального треста.

Огромный смысл заложен в нескольких сухих словах этой телеграммы, облетевшей весь земной шар. Крупнейший финансист мира, «король доллара», Морган впервые открыто стал во главе громаднейшего индустриального объединения управляющего почти всей стальной промышленностью Соединенных Штатов.

В руках Моргана сосредотачивается колоссальное богатство, а в условиях капиталистического строя, следовательно — и могущество. Только Америка — страна чудовищной концентрации капитала — могла породить подобного финансового левиафана. Уже в 1912 году Морган фактически управлял предприятиями с капиталом более, чем в 10 миллиардов долларов. 15 лет прошло не даром. Сейчас Морган распоряжается капиталом, уже более, чем в 20 миллиардов долларов, хотя его собственный капитал, разумеется, значительно меньше.

Как же родилось это богатство?

Вы помните, читатель, «Сердца трех», Джека Лондона? В конце романа дается изумительная по яркости картина финансовой борьбы двух королей биржи — однофамильца Моргана, главного героя романа, Фрэнсиса Моргана, и банкира Ригана. Риган оказался хитрее, и изворотливее, он побеждает. Чувствуя, что все погибло, Морган утром дает приказ своему маклеру Бэскому продавать и покупать без всякого плана, только для того, чтобы в последний раз испытать захватывающий азарт бешеной биржевой игры.

«Ну, — рассмеялся Фрэнсис в половине двенадцатого, — теперь, пожалуй, можно и перестать... Можете в любой момент повесить объявление о распродаже имущества.

Бэском, устало и грустно взявшись за трубку, собирался отдать уже распоряжение, которое должно было закончить битву сдачей на милость победителя, как вдруг дверь раскрывается и в нее ворвался знакомый припев старой пиратской песни, при звуке которой Фрэнсис стремительно остановил руку своего маклера.

— Стойте, — воскликнул он, — и слушайте! И они стали прислушиваться к песне, которую распевал невидимый певец.

Буйный ветер, сине море,
К мачте став к плечу плечом,
Не один, десяток трусов,
Отражали мы вдвоем...

„Будущий миллиардер“...

В ту минуту, когда Генри ввалился в комнату с огромным чемоданом в руках, Фрэнсис присоединился к припеву.

В чемодане, принесенном двоюродным братом Фрэнсиса — Генри Морганом, оказались банковые билеты и акции на громадную сумму.

— Ты нашел-таки, наконец, сокровище старого сэра Генри? — вырвалось у Фрэнсиса.

— Нет! — Генри покачал головой. — Это часть сокровища древних Майя, около трети...

С этой неожиданной поддержкой Фрэнсис снова бросается в бой, на этот раз, чтобы его выиграть. «Бэском отдавал уже по телефону распоряжения своему штабу, — приказы покупать в таких огромных размерах, что всего состояния Ригана не хватило бы на то, чтобы вернуть проданное им».

«Сокровища древних Майя» из «Долины Погибших Душ», клад, найденный смелыми и предприимчивыми искателями приключений, — вот чем объясняет Джек Лондон в «Сердцах трех» рост финансового могущества одного из биржевых королей. Еще шире распространено представление об американских миллиардерах, как о бывших чистильщиках сапог и газетчиках, добившихся богатства неутомимой энергией, предприимчивостью и упорным напряженным трудом. Стоит только заговорить об истории американских крестов, как невольно рисуется идиллическая картина. На перекрестке двух оживленных авеню, на низенькой скамейке сидит энергичный, веселый подросток и бешено работает сапожными щетками, начищая до ослепительного блеска лакированные ботинки джентельмена в цилиндре. Это — будущий миллиардер! Через год он уже имеет небольшие сбережения, через пять — покупает первые акции, а там — энергия, предприимчивость, удача — и миллиардер готов.

Само собой понятно, что оба эти пути «создания» миллиардеров ничего общего с действительностью не имеют. Беззастенчивая спекуляция, наглое мошенничество, неразборчивость в средствах для достижения цели, — вот подлинные пути, которыми шли все «короли долларов».

Все средства хороши, если в результате их применения раздастся звон золота! — вот лозунг, которому верой и правдой всю жизнь служили и служат и Морган, и Рокфеллер, и Вандербильт.

История создателя банкирского дома Дж. Пирпонта Моргана с этой точки зрения довольно характерна. Разумеется, он не был чистильщиком сапог, не был газетчиком, не искал приключений и сокровищ ни в каких «Долинах Погибших Душ». Родился он в богатой семье. Его отец, Юний С. Морган, нажил громадное состояние целым рядом темных махинаций, когда был финансовым представителем САСШ в Англии. В чем состояли эти махинации, никто точно не знает, но в газетах того времени частенько мелькало слово «измена».

Одним из первых самостоятельных коммерческих предприятий Дж. Пирпонта Моргана было следующее. Во время войны между севером и югом он купил в нью-йоркском арсенале, через подставных лиц пять тысяч карабинов старой конструкции, признанных

военной инспекцией негодными к употреблению. Уплатив по 3½ доллара за штуку, Морган тут же продал все карабины по 22 доллара генералу Фремонту, командовавшему армией в Сан-Луи. Афера молодого «гения» была раскрыта, но суд постановил уплатить ему все деньги сполна.

Окрыленный успехом, Морган бросился в новые авантюры. Умный и изворотливый, не останавливающийся перед открытым мошенничеством, он быстро шел по ступенькам финансовой лестницы. Миллионы прикладывались к миллионам, все новые предприятия попадали под контроль Моргана, могущество «великого финансиста» росло. Вместе с миллионами пришла слава. Звон золота неотразим для капиталистической прессы. «Морган великолепный!» назвал теперешнего короля доллара один из буржуазных писак — «Вождь промышленности», «друг королей и король среди людей», «благородный патриот», «гениальный финансист», — подобными определениями пестрели страницы американской прессы.

Но есть у Моргана и еще одна кличка. «Пират биржи»... гворят про него в финансовых кругах. И это верно. Роскошные каюты моргановской яхты «Корсар» могли бы рассказать не об одной темной, мошеннической махинации, задуманной и организованной во время «увеселительной морской прогулки» и проведенной потом на бирже. Биржа — царство золота и спекуляции хорошо знает мертвую хватку старого пирата. Когда в стены биржи проникает смятение и паника, когда джентельмены в цилиндрах мешаются в одно людское месиво, когда лихорадка азарта всю эту толпу, переливающуюся по за-

Биржа — царство золота и спекуляции.

лам биржи, — здесь дело не обошлось без Моргана. В сложнейших комбинациях игры на повышение и понижение, в изощренных биржевых авантюрах, в течение нескольких дней разоряющих тысячи держателей акций и прибавляющих новые миллионы к капиталам биржевых заправил, Морган чувствует себя, как рыба в воде. Это, действительно, пират, пират безжалостный и жестокий, грабящий направо и налево.

— Но почему, — спросит, может быть, читатель, — все эти миллиардеры появились в Америке, а не в Европе?

В Европе тоже есть свои Морганы и Рокфеллеры, свои «пираты биржи» и «великие финансисты». Но масштабы у них значительно меньше, чем у их заокеанских коллег. Американские масштабы вообще значительно больше европейских. По переписи 1922 года национальное богатство Соединенных Штатов определяется суммой в 322 миллиарда долларов. Между тем, национальные богатства Англии, Германии и Франции, взятых вместе, равняются всего 237 миллиардам долларов.

По сравнению с европейскими государствами, Соединенные Штаты чудовищно богаты. В их руках более половины мирового запаса золота. Они занимают только 7% земной суши, и их население равняется

всего 6% населения земного шара, а им принадлежит треть мирового железнодорожного полотна, четверть телеграфных кабелей, почти девять десятых мирового количества автомобилей. Соединенные Штаты производят четверть мирового количества пшеницы, половину добычи железа и угля, две трети мирового запаса нефти.

МИЛЛИОННЫЕ ДОХОДЫ В САСШ.

НЬЮ — ЙОРК, 4/1 (Тасс). — Из данных об уплате подоходного налога в САСШ видно, что доходы 228 лиц за 1926 г. перевысили миллион долларов и возросли вдвое против доходов этих же лиц за предыдущий год. Доходы 14 лиц за 1926 г. перевысили пять миллионов долларов.

Доходы Соединенных Штатов огромны. В 1910 г. они равнялись 21 миллиарду долларов, в 1915 г. — 36 миллиардов, в 1920 — 72 миллиардов, в 1922 — 59. Грандиозность этих цифр станет понятной, если сказать, что все национальное богатство России было равно в 1912 г. всего только 56 миллиардам долларов.

Вполне понятно, что за 10 лет, с 1914 г. по 1924-ый, Америка не только уплатила Европе 3 миллиарда старых долгов, но и широко кредитовала европейские государства, особенно во время мировой войны. Сейчас Европа должна Соединенным Штатам кругленькую сумму в 12 миллиардов долларов, число же всех капитальных вложений Америки в иностранные предприятия равняется 20 миллиардам.

Таким образом, крупнейшие государства мира находятся в сильной финансовой зависимости от Соединенных Штатов. В то же время избыток золота создает внутри американского хозяйства ряд противоречий. Страна небоскребов и фордовских автомобилей не знает, куда девать деньги. Золото ищет себе применение и не находит его. Это заставляет американских капиталистов, и, в первую голову, финансовых королей, вроде Моргана, думать о дальнейшем приложении избытка своих капиталов в других странах. Одновременно их все больше и больше начинает беспокоить мысль, гернут ли им европейские государства долги, особенно военные?

В последнее время Морган пытается провести грандиозный план превращения Германии в полу-колонию Америки. Все платежи Германии странам-победительницам по этому плану должны быть переданы Соединенным Штатам, за что последние скидывают соответствующую часть долга, причитающегося им с Англии и Франции. Германия же дает американцам в счет своего долга значительную часть акций своих железных дорог и крупной промышленности. Это даст в руки американских капиталистов контроль над всей хозяйственной жизнью Германии.

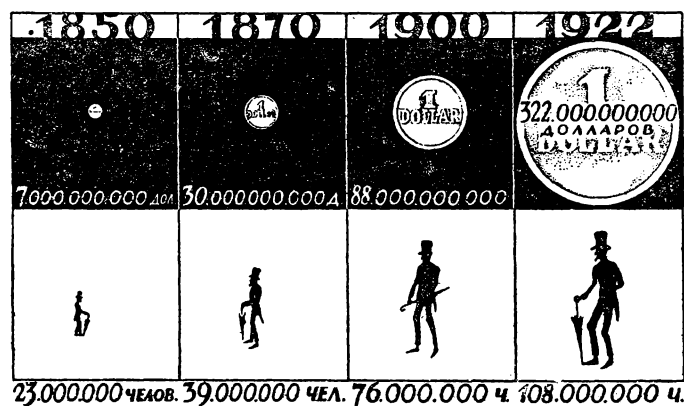
Одновременно с международными махинациями, Морган все более и более открыто выступает у себя

в Америке, как руководитель чудовищных промышленных объединений, держащих в своих руках монополию на основные продукты производства и диктующих рынку свои цены. Морган — председатель стального треста! И это в Америке, где существует специальный закон против трестов. В свое время этот закон был вызван широким движением против монополистических объединений, которые невероятно вздували цены. Тогда даже крупнейшие финансисты принуждены были считаться с этим законом, действовать через подставных лиц, прятаться за ширму. Но «золотой век демократии» миновал. Морган открыто стал во главе крупнейшего треста, объединяющего около 80% всей сталелитейной промышленности Соединенных Штатов. Что ему до общественного мнения? Правительство все равно не сделает ни одного шага против «корселя доллара», продажная пресса попрежнему будет петь ему дифирамбы. Сейчас не время для демократии.

Все дальше и дальше раскидывает Морган свои щупальцы. Пират биржи вышел на арену мировой политики. Золото, всемогущее в капиталистическом мире золото — его оружие. И перед этим оружием пока склоняются сильнейшие государства.

Но «великий финансист» и его коллеги кое-чего не учитывают. Европа уже настолько справилась от военных потрясений, что представляет серьезного соперника в борьбе за мировые рынки. Вот один характерный пример промышленного роста европейских государств. Если в Америке количество потребляемой электрической энергии возросло с 1912 по 1925 г. в 4½ раза, то в Германии оно возросло больше, чем в 5 раз. Почти то же самое наблюдается и в целом ряде других отраслей промышленности. Недалек тот день, когда на разных сторонах океана станут друг против друга с равными силами два хозяйственных

РОСТ НАСЕЛЕНИЯ И НАЦИОНАЛЬНОГО БОГАТСТВА С. А. С. Ш.

С 1850 г. до 1922 г. население С.А.С.Ш. возросло в 5 раз, национальное богатство же возросло в 46 раз.

гиганта. Экономических средств борьбы за рынки станет недостаточно, и тогда снова заговорят пушки. А что значит для мирового капитализма новая война — знает каждый. В грядущей схватке двух капиталистических исполинов — Старого и Нового Света, — не победит ни тот, ни другой. Победит третий. Этим третьим будет пролетарская революция.

А. ЛЕБЕДЕНКО.

Из повести «Четыре ветра», выходящей в изд-ве «Московский Рабочий».

В притонах Шанхая.

В каждом большом китайском городе есть гостиница «Асторгауз». Пушистые ковры на лестницах, выдрессированная прислуга, обязательные фраки за табельдотом, уютные номера, в которых есть все от последнего слова западно-европейского комфорта; только окна, затянутые густыми зелеными сетками от москитов и всюду легкий все проникающий запах бобового масла, запах, от которого в Китае не уйти никуда, напоминают Восток.

В Шанхае есть свой «Асторгауз». Внизу шумит Нанкин-Роуд и ночью, когда зажгутся огни гигантских витрин-магазинов и вспыхнут электрические рекламы, немного нужно фантазии для того, чтобы вообразить себя в большом американском центре. Так непохож этот город на весь остальной разбросавшийся от Амура до Тибета деревенский нищий Китай.

Мистер Каттоу припал к телефону. Ни одного визита, все по телефону. Для всех не посвященных, он только скромный журналист большой Лондонской газеты, интересующийся китайским вопросом. Мало-по-малу короткие разговоры, в которых больше намёков, чем ясных фраз, вводят его в круг положения вещей.

Шанхай тревожен. Фронты все ближе, и перед ними идет невидимая, но напряженная волна нервозности и выжидания. То тут, то там она показывает на минуту свое лицо для того, чтобы опять облечься в туман предчувствий, скрывая свои истинные черты. У входов в «инстранный квартал» усиленные патрули, огромные мотки колючей проволоки; —чувствуется, что в любой момент целые кварталы могут стать крепостью и на людных торговых улицах заговорит пулемет. Город наводнен иностранными солдатами всех рас, форм и флагов. Китайские солдаты из шандунской гвардии смешались с маленькими черными аннамитами, с высокими смуглыми сипаями, шотландской гвардией и американской морской пехотой.

Беспокойно и на фабричных окраинах Шанхая. Без достаточных экономических поводов вспыхивают забастовки. Толпа рабочих особенно шумлива на улицах, и взоры, которые кидают эти измученные тяжелыми условиями жизни люди, говорят о том, что в грязных и мрачных предместьях накапливается страшная сила ненависти, готовая вылиться в грозу и бурю.

На другой день, поздно вечером, явилось доверенное лицо, указанное Каттоу по телефону. Оставшись потом наедине, мистер Каттоу очень долго, для сдержанного англо-сакса даже слишком долго, смеялся, дивясь избрательности своих соотечественников. Доверенное лицо оказалось священником англиканской церкви,

одним из миссионеров, в таком большом количестве обслуживающих «погибающий во тьме язычества» Китай.

Аббат Инего Джонс долго и плаксиво повествовал мистеру Каттоу о всех бедствиях, которые он претерпел за последние недели, когда этот Китай восстал, взбесился, словно укушенный бешеным москитом. Деятельность достопочтенного сэра Джонса протекала на границе провинций Хубей и Сы-Чуани. Его небольшая церковь была «одним из аванпостов христианской религии и европейской культуры». Ах, ему жилось там не плохо! Маленький скромный домик, утонувший в тени густого парка, кругом дети, милые, славные детки, в особенности девочки, — они такие доверчивые, — хороший доход, что еще нужно? Он приносил только добро этому неблагодарному народу. Увы, ему пришлось бежать с одним чемоданом, с небольшим количеством белья. Он боится, что теперь все его имущество разграблено и ему, может быть, даже не придется вернуться на старое насиженное пепелище.

Через полчаса оба англичанина разговорились о совместной поездке «куда нибудь отдохнуть» и еще через час аббат принял совершенно штатский вид. Оба они сели в маленькие легкие колясочки, и рикши в припрыжку, идя рядом, так что они могли продолжать свой разговор, побежали по людным освещенным улицам Шанхая.

Всю ночь из переулка в переулок путешествовали новые знакомые. Они побывали в фешенебельных ресторанах, напоминающих лучшие кабаки Гамбурга и Сан-Франциско. Они посетили чайные домики, где женщины глядят во двор-колодец с высоты трех-четырех этажей крашенных красным лаком балконов, где поят чаем и так заботливы уродливы старые обезьяны — амы, и шестнадцатилетние девушки, в угоду посетителям, плохо подражают своим подругам из европейских и американских притонов. Они побывали у японских гейш и у «русских леди», где самая некрасивая девушка была графиней, а подруги ее блистали титулами княгинь и великих княжен.

За долгую ночь, проведенную в угаре кабаков, они успели все же сговориться о том, что им следует ехать в Нанкин и там на месте подготавливать «дело». Хорошо проспавшись, поздно вечером они покинули Шанхай и на другой день утром уже были в древней китайской столице Нанкине.

Разгром Нанкина.

Когда Лао добрался до центра города, шандунцы уже покидали Нанкин. Из уст в уста передавался слух о том, что кантонцы уже под стенами, а в городе организируются рабочие отряды. Лао попытался было пойти

к знакомому железнодорожнику, члену Гоминдана, но дома его не застал, и пошел на высокий берег реки.

Перед ним растилась величественная панорама Ян-Цзе-Цзяна. На противоположной стороне виднелся небольшой городок Пукоу, конечный пункт железной дороги, идущей из Тянь-Цзина. Красное здание вокзала, дымки многочисленных паровозов. Через широкую реку почти непрерывной цепью шли пароходы и джонки, перевозившие войска и обозы с южного берега на северный. У перевозов творилось нечто невообразимое. Шум долетал сюда до слуха Лао. Иногда где-то гремели выстрелы. Немного ниже перевоза, на середине реки, выделяясь серыми зловещими массивами, стояло несколько военных судов под английским, американским и японским флагами. Видно было, что они в полной боевой готовности. Жерла орудий грозно глядели на Нанкин.

Недалеко от Лао на высоком холму несколько в стороне от перевоза стояли войсковые части иностранцев: американская морская пехота и батальон английских стрелков. Между этим холмом и военными судами все время сновали моторные лодки с широкими флагами иностранных держав. На холм из всех частей города, под прикрытия европейских штыков, собирались европейцы с семьями, в страхе покинув помещения консульств, банков и контор, а вслед за европейцами потянулась китайская буржуазия.

Кантонцы крепким полукольцом обходили места у перевозов, желая захватить обозы и артиллерию, оставшиеся на южном берегу. Орудийным огнем они разорвали цепь перевозочных судов между Нанкином и Пукоу. Вот потонула джонка под четырехугольным, словно деревянным парусом. Тонет баркас, переполненный солдатами. Прочие суда спешат скрыться в разные стороны и, главным образом, по направлению к английским и американским крейсерам. Артиллерийский огонь навис над рекой, но не распространялся в стороны, чтобы не задеть иностранные флоты. Какая-то тяжелая батарея начала обстрел Пукоу, и снаряды один за другим рвутся над рекой, оставляя гулкий след в небе, и белые облачки над вокзалом показывали, что снаряды достигли цели.

Далеко отступая от занятой иностранцами вершины холма, таким же железным полукольцом залегла другая молчаливая цепь кантонцев. Со своей удобной высокой позиции Лао видел, что задачей этой цепи являлась, повидимому, охрана этого участка от всяких неожиданностей. Солдаты беспрестанно пропускали иностранцев и всех желавших пройти на холм, обратно же не пускали никого.

Из узких переулков к самой цепи подходили мужчины, женщины, в первую очередь молодежь и глазами полными злобы, смотрели на вершину холма. Крики ненависти, угрозы то и дело оглашали воздух. Но кантонцы еще крепче смыкали ряды, не пропуская толпу к подножию холма.

Вот мимо Лао не очень стройными рядами проходит какая-то кантонская часть. Впереди ее — командир. Она идет прямо на Лао, очевидно, также к подножию холма, занятого иностранцами. Лао весело оскалил зубы навстречу друзьям, он машет рукой командиру, и вдруг, вместо ответа на дружеское приветствие, получает удар кулаком по лбу.

Больше от удивления, чем от боли, Лао сел на землю. Со злым смехом проходят мимо него солдаты. Кантонские солдаты, несущие с собой освобождение! Лао долго не мог понять, что произошло. Вот отряд весь прошел мимо. Вот он задал выхл одного из переулков у подножия холма. Вот один из солдат мчит

обратно. Он заворачивает за угол. Лао внимательно следит за ним, — он видит, как за углом солдат сворачивает к небольшому дому-особняку, в котором, повидимому, живет иностранная семья.

— Странно! — подумал Лао.

Через минуту солдат вернулся обратно, но уже другой солдат бежал туда же, и тоже через минуту вернулся к своим рядам.

Удивление Лао возрастало. Медленно, походкой ленивого бездельника, он прошел к европейскому особняку. В это время еще два кантонских солдата быстрыми шагами подошли ко входу. Они громко постучали в дверь, и Лао увидел, как они затеяли разговор в каком-то человеком с лицом европейца. Еще более удивленный Лао перешел на другую сторону и прошел у самой калитки.

— Вы теряете золотое время! — раздраженно говорил, почти кричал иностранец на скверном китайском языке. — Стрелять немедленно!

Солдаты что-то сказали в ответ.

— А-а, какая беда! — громко ответил иностранец. — Убейте, так убейте. Но лучше, конечно, чтобы не было жертв среди войск. Во всяком случае вы отвечать не будете.

Солдаты бегом бросились к своей части. Калитка захлопнулась. Через несколько минут Лао увидел, что в слуховом окне, на крыше появилось белое лицо, упорно смотревшее в большой бинокль на холм, занятый иностранными войсками. Но в ту же минуту слух Лао был отвлечен дикой шумной стрельбой, начавшейся у самого подножья холма. Лао со всех ног бросился на выстрелы. Неожиданная картина внезапно предстала его глазам.

Прошедшая мимо Лао кантонская часть внезапно подняла ураганный обстрел холма. На вершине холма поднялась невообразимая паника. Иностранные солдаты залегли в цепь и открыли беспорядочную стрельбу во все стороны. На мачте взвились какие-то сигнальные флаги, и вот — Лао замер от ужаса, — длинные жерла серых пушек на английских и американских крейсерах повернулись к городу, и тяжелый гул морских орудий покрыл частую мелкую винтовочную и пулеметную стрельбу.

Флот союзников начал обстрел Нанкина.

Тяжелые снаряды рвались, разрушая целые дома. Гигантские столбы взрывов поднимались к небу над низкими строениями города-муравейника. Население металось на улицах, женщины на крошечных ножках, нагруженные выводками детей, бежали и падали у заборов, в воздухе стоял невообразимый крик миллионной толпы, и только мерные, по военному точные, звуки выстрелов и разрывов заглушали этот отчаянный вопль сотен тысяч больших и маленьких глоток.

С широко раскрытыми глазами сидел Лао, наблюдая эту гигантскую дикую панораму.

Он пришел в себя только тогда, когда мимо него один за другим побежали в город кантонские солдаты из отряда, поднявшего стрельбу. Они бежали куда-то в тыл, минуя европейский особняк. Только один из них в форме командира опять громко постучал в дверь. На стук его никто не ответил, он заколотил в дверь изо всех сил рукояткой револьвера.

В это время Лао уже был против особняка. Он смотрел в сторону, но слышал, как оттуда прежний голос прокричал.

— Идите, идите скорей и скрывайтесь! Сюда не пушу никого!

Выругавшись, кантонский командир побежал в город.

Как ни мало искушен был Лао в приемах завоевателей, он понял, что на его глазах разыгралась гигантская провокация. Какие-то люди, переодетые в кантонскую форму, обстреляли холм, так бережно охранявшийся кантонцами, вызвали панику и дикий разгром огромного города тяжелыми морскими орудиями. Ими руководил какой-то иностранец из европейского домика. И вдруг вся злоба, поднявшаяся в сердце Лао, обратилась на этого европейца.

Сжав в руке револьвер, Лао упорно сидел против входа в особняк. Только через пару часов, когда бомбардировка почти замолкла, в калитку высунилось бледное бородатое лицо.

Лао сидел недвижно. Увидев, что улица пустынна, иностранец высунулся из калитки, а потом шагнул на панель, засунув руки в карман.

Лицо его выражало довольство.

Лао поднял руку и, хорошо прицелившись с внезапно охватившим его спокойствием, спустил курок. Европейец со стоном упал на мостовую, держась обеими руками за лицо. Пуля попала ему между глаз, и через минуту конвульсии большого тела прекратились — он умер.

Так внезапно закончилась жизнь аббата Инего Джонса, в глухом переулке Нанкина

Ночная битва в таинственном особняке.

Ровно через полчаса разговор в столовой затих.

Разведчики поняли, японский порошок подействовал, и Каттоу уже спит.

Мисс Эвелин прошла мимо двери Цзин-Мао *), остановилась, прислушалась и прошла в коридор, в котором притаились агенты японца.

Вскоре она вернулась обратно, остановилась у выключателя, и друзья увидели, как погас свет в узкой щели двери, выходящей в коридор.

Вслед затем, стараясь не шуметь, пришли еще два человека. Тогда Андрей и Ли, в свою очередь, поднялись и, сжимая в руках маузер, прошли в коридор.

Японские агенты и сама мисс Эвелин находилась в это время уже в столовой. Там тоже погас свет и вслед затем раздался шум передвигаемых стульев и какое-то тяжелое тело упало на диван так, что слегка запели тугие пружины.

Андрей и Ли подошли к самой двери столовой и притаились у стены.

— Пакет должен быть при нем! — услышал Андрей. — Ищите в пижаме! — Вся работа происходила в темноте.

— Есть! — услышал Андрей.

— Мы уходим! — продолжал тот же голос. — Советуем вам исчезнуть из Ханькоу. Англичане не простят вам этой кражи.

Один из японских агентов вышел в коридор и повел рукой по стене, очевидно, нащупывая выключатель.

Андрей осторожно — глаза его уже привыкли к темноте — набросил на голову японца заранее приготовленный толстый мешок и могучие руки сдавили глотку шпиона так, что тот успел только пробурчать что-то неясное.

Ли схватил полубесжизненное тело и унес его стараясь ступать неслышно в комнату Цзин-Мао. Там

он быстро обвязал ему руки и, покрыв грудой одеял, оставил лежать.

В это время Андрей уже набрасывал второй мешок на другого шпиона, который вышел в коридор с вопросом.

— В чем дело? Почему ты не зажигаешь свет?

Накинуть на него мешок так же неслышно не удалось; он, очевидно, слышал какой-то шум в коридоре и был настороже.

Произошла короткая борьба. Увидав, что с мешком ничего не выходит, Андрей отбросил его в сторону и нанес шпиону сокрушительный удар по черепу. Японец застонал и выпустил из рук револьвер. Маленький браунинг упал на пол и услышав стон и стук, мисс Эвелин бросилась к выключателю со словами.

— Что такое, в чем дело?

Маленький дамский браунинг заблестел в ее руке.

Видя, что терять время не приходится, Андрей схватил японца за ворот и со страшной силой ударил головой о стену. Бесжизненное тело согнулось у него на руках и он опустил японца на пол. Подхватив лежавший на полу револьвер и положив его в карман, Андрей бросился в уже освещенную гостинную.

Прямо против него стояла мисс Эвелин. Ее глаза были расширены от испуга и маленький браунинг дрожал в крошечной наманикюренной руке.

Грянул выстрел, но Андрей успел нагнуться, а в следующий момент тяжелый стул полетел в стенное бра, в котором горела одинокая лампочка. Комната опять погрузилась в мрак. Прогремел второй выстрел, выпущенный наугад, но Андрей уже подполз к англичанке. Револьвер почти без всякой борьбы оказался у него в руках, а англичанка через минуту лежала на диване со связанными руками и покрытым лицом. Теперь уже Андрей сам зажег свет в большой люстре, спускавшейся с середины потолка.

При помощи Ли, он, не развязывая глаз, освободил шпиона, лежавшего в комнате Цзин-Мао, из-под груды одеял. Не спеша друзья перевязали ему руки крепче и положили в коридоре на полу.

Такую же процедуру совершили и со вторым шпионом, который был жив и только потерял сознание, англичанку же оставили лежать на диване, закрыв ей лицо куском легкой материи.

Комната Цзин-Мао была приведена в порядок, а сама Цзин-Мао также была связана и положена на кровать с закрытым лицом. Это было сделано для того, чтобы на нее не пало подозрения в участии в происшедших ночью событиях.

Все произошло так, как хотели разведчики, и у трех человек, лежавших в доме с закрытыми глазами и связанными руками, вероятно, осталось впечатление, что произошло какое-то странное чудо, причем, ни у одного из них, кроме мисс Эвелин, на секунду видевшей Андрея, не было ни малейшего представления о тех, кто совершил на дом ночное нападение.

Мисс Эвелин немедленно удалила освободившую ее от уз прислугу, за исключением Цзин-Мао, и обе женщины принялись будить англичанина. Это удалось не сразу. Только после долгих усилий мистер Каттоу пришел в себя, и первым делом спросил, с дрожью в голосе: «Где его пижама и что произошло».

Мисс Эвелин только растерянно разводила руками. Рыкая, как раздраженный зверь, англичанин носился по комнате, и, наконец, увидел лежавшую почти на пороге пижаму он схватил ее, но сейчас же отбросил в сторону; в кармане не было ни пакета, ни бумажника.

*) Цзин-Мао — девушка-китаянка, сестра, Ли находящаяся в услужении у м-сс Эвелин. Ли и Андрей — главные герои повести, ведущие борьбу с организацией английских и японских шпионов.

— Это вы, это вы устроили мне ловушку? — закричал он, подходя с сжатыми кулаками к мисс Эвелин.

Несчастливая лэди не знала, что ответить этому избитому человеку. Она не знала, с чего начать. В конце концов, не вся вина падала на нее, но как это объяснить, как отделить ее участие в этом деле от налета неизвестных ей самой врагов.

Англичанка сжимала руки, ломала пальцы, глядела встревоженными большими глазами, но не могла сказать ни слова.

— Да отвечайте-же, чорт возьми! — кипятился мистер Каттоу.

— Я ничего, ничего не понимаю! — пробормотала англичанка, и в голосе ее звучала нота искренности.

Если не в первой, то во второй части ночной драмы, она, действительно, ничего не понимала.

Маленькая ампула.

Мистер Каттоу задумался, но только на одну десятую долю секунды. Он вспомнил свои подозрения, индийского полковника на «Рояльстар», и, наконец, странную, почти таинственную загадочность завязки их общего романа.

— Вы лжете! Вы шпионка, я все время видел, что вы следите за мной. Вы низко обманывали меня, вы торговали любовью, гадина!

Поняв, что ей больше никогда больше не удастся разубедить этого человека, к которому она невольно привязалась за эти месяцы, мисс Эвелин внезапно нашла в себе силы. Она выпрямилась и показала пальцем на дверь.

— Мистер Каттоу, вы забыли, что перед вами женщина! Я прошу вас оставить мой дом... навсегда!

Эти слова были слишком неожиданны для англичанина; он посмотрел на мисс Эвелин внимательным взглядом, затем, вспомнив, что бумажника и документов все же нет, не торопясь закончил свой туалет и вышел через парадную дверь, которую открыла ему Цзин-Мао, как будто ничего не случилось.

На улице он подождал такси и помчался в консульство.

Вечером того же дня мисс Эвелин взяла с собой Цзин-Мао, и они обе поехали по шумным освещенным улицам в торговый квартал.

С фешенебельной улицы рикши вскоре свернули в узенький переулок, и здесь пошли шагом.

Что может быть пестрее и красочнее торгового квартала в большом китайском городе? Переулки, в которых едва могут разминуться двое рикшей, где им приходится уже не бежать, а идти шагом, то и дело поднимая оглобли, чтобы пропустить кого-нибудь из прохожих; эти узкие проходы переходят то в крытые коридоры, то вонзаются вглубь зданий, то вдруг вновь выходят в узенькие улицы, и все время справа и слева, тесно прижавшись друг к другу, отделенные тонкой стеной, а то и совсем без стены, идут магазины. Окна сверкают светом, золото и черный цвет переплелись на узких лентах падающих сверху вниз вывесок, красные лакированные доски, покрытые черными иероглифами, стоят на окнах, висят над дверями. Многоголосый шум толпы стоит в этих кварталах весь день,

и птичье пение и крики пересмешников из клеток, повешанных у входов в магазин, спорят с шумом человеческой толпы. В магазинах в светлоголубых халатах, строго по старшинству, у прилавка направо и налево от хозяев, стоит армия приказчиков, и когда приходит почетный посетитель, ему подают горячий чай и полотенце, опущенное в горячую воду, чтобы вытереть вспотевшие лицо и руки.

Покупатель усаживается, и услужливый хозяин представляет почти вплотную к его лицу электрический пропеллер, производящий ветер, который на минуту освежает удушливую, почти невыносимую для европейца, атмосферу этих кварталов.

Мисс Эвелин вошла в магазин торговца изделиями из слоновой кости, веерами картинами и прочими предметами изящных искусств.

Хозяин также вежливо приставил к ее лицу электрический фен, но не предложил чаю, и глаза его сверкали каким-то особенным огнем. Между ними начался тихий разговор, почти шепотом.

— Зачем вы пришли сюда?

— Я хочу спросить у вас, что случилось?

— Это мы могли бы спросить у вас что случилось, но мы не спрашиваем. Вы стали для нас безразличны. Мы считаем, что с прошедшей ночи вас уже нет.

— Но ведь если вы все знаете, то вы же знаете, что я не виновата.

— Нам нужны только успешные действия. Мы даем нашим сотрудникам все необходимое для успеха. Впрочем, я предпочел бы закончить наш разговор, здесь слишком много посторонних.

— Тогда давайте встретимся в другом месте, назначьте мне, я боюсь, что вы поспешите. Я еще хочу жить.

— Завтра для вас уже будет безразлично, кто и что будет думать о вас, Это решено!

— Но ведь это же жестоко! Неужели вы звери?

— Вспомните, мисс, что вы играли, однажды, вашим маленьким серебряным браунингом в Монте-Карло. Вы уже считали себя вышедшей из игры. Мы спасли вас. Вы оказались неблагодарны. Пеняйте на себя!

— И это все, что вы можете мне сказать?

— Все!

— И никакие оправдания не будут приняты?

— Нет!

И он отодвинул кусок блестящего шелка, который он разворачивал перед лэди.

Мисс Эвелин поднялась, и нетвердой походкой отправилась к двери. Не видя ничего, она села в легкую бамбуковую коляску, и рикша побежал к выходу из торгового квартала и дальше к особняку, откуда вышла мисс Эвелин.

В свой будуар англичанка прошла с таким же невидящим взглядом, подошла к секретеру художественной работы, с богатой резьбой из бамбука и палисандра, и из маленького тайного ящика вынула крошечную коробку, в которой в белоснежной гате лежала маленькая ампула. Англичанка, не колеблясь ни минуты, оторвала головку крошечного сосуда и выпила содержимое.

Она предпочитала не ждать...

Фантастический рассказ П. Н. Г.

Рисунки Н. ДОРМИДОНТОВА.

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВЫХ СЕМИ ГЛАВ.

IX. К «СТАЛЬНОМУ ЗАМКУ».

Революционный социализм победил во всем свете и только в «Стране Молчания», находившейся в восточной части Соединенных Штатов, господствовала еще власть капитала. Наконец, неведомая радиостанция уведомила мир о начавшейся революции и в «Стране Молчания».

Ученый Карстон, на изобретенном им самолете, решает отправиться на помощь к восставшим. Захватив с собой нескольких спутников, (в том числе и корреспондента Ведрина), он пробивает на своей машине электромагнитную броню, которой капиталистическая власть отгородилась от остального мира. Так наши путешественники очутились в «Стране Молчания», спеша на помощь восставшим массам.

VIII. ПУТЕВОДНАЯ НИТЬ.

Эту длинную и, быть может, сухую страницу из истории, уже давно перевернутую и отошедшую в вечность, мы вспомнили тогда; пролетая над некогда богатым и обширным С.-Луи.

«Мститель» летел над городом, описывая огромную дугу. Легкий, отрывистый треск прозвучал в кабине.

— Новый сюрприз Карстона! — произнес Берницкий. И я увидел, как во всю длину боковых стен кабины раздвинулась кожаная обивка, обнажив широкие, застекленные прямоугольники окон. Темный, влажный сумрак ночи дохнул на нас. Небосклон, усеянный звездами, кротко глядел в кабину. Несмотря на большую высоту, внизу отчетливо видны были улицы, увитые гирляндами фонарей, площади, группы зданий.

Внезапно какая-то огромная, сигарообразная тень разостлалась под нами, на миг закрыла город, и бесшумно пронеслась на северо-восток, поблескивая зелеными огнями сзади и по бокам. Это был, повидимому, какой-то дирижабль...

— Ого! — произнес Карстон, засмеявшись, но в голосе его я уловил тревожную нотку. — Даже здесь, на этой высоте, мы не одни. Ну, что ж, поднимемся повыше!..

Безупречно-послушный корабль стрелой взвился вверх. Опять тяжелыми вздохами забило могучее сердце аппарата и мы понеслись...

— Смотрите, Карстон, ведь это же дорога, воздушная дорога! — указывая на громадную светящуюся стрелу за городом, сказал Губер. — А это — веки воздушной дороги! — указал он на ряд огромных, светящихся прямоугольников, цепью уходивших вдаль, на юго-восток; с промежутками в 3 — 4 километра один от другого.

— Да, здесь буквы, на стреле и на прямоугольниках! всматриваясь, проговорил Карстон.

Огромные черные буквы «G — S-L» довольно отчетливо рисовались на раскаленно-белом фоне прямоугольника под нами.

— Гениополь — С.-Луи! — сорвался у меня с губ мелькнувшая догадка. — Это название конечных пунктов в этой воздушной линии.

— Да, несомненно, так оно и есть! — после секундного раздумья произнес Карстон. — Ну, что ж, тем лучше: в наших руках есть путеводная нить. Воспользуемся же ею! Через полтора часа мы должны быть в Гениополе. Как видно, он существует и существовал не только в больном мозгу умирающих.

Повинуясь воле своего капитана, «Мститель» летел, как гонимый бурей. Вперед, вперед, в «Страну Молчания», к самому сердцу ее! Внизу, глубоко под нами пронеслись бесконечные огни поселений, массивы лесов, извиваясь блески реки, тысячами огней рвали мрак громадины фабрик, заводов и домен, бросавших ввысь безбрежные клубы пламени и дыма. Глухой отзвук рокотающих машин стальным, едва слышным лязгом врывался в кабину. Казалось, что там далеко, внизу, под покровом ночи свершается какой-то таинственно-жуткий ритуал и приносятся пылающие жертвы неведомым богам...

Все это казалось нам, ворвавшимся в этот мир и загнанным носившимся над ним, полным остротой, стерегущей вражды. Было что-то демонически хищное в дымившихся заводских огнях внизу; глядя на них, мне казалось, что это раскрылась сама земля и, выйдя из своей подземелий, миллионы гномов, таясь от всего мира, творят какое-то страшное, никому неведомое дело, а в гуле и лязге машин мне чудилась невысказанная тайна, которую эти машины сию минуту передадут людям...

X. ГЕНИОПОЛЬ.

Полтора часа пронеслись незаметно. Впереди быстро и неожиданно вспыхнула белая заря. Она разгоралась стремительно, как пожар в первобытном лесу, с каждой секундой, с каждым мгновением... Легкий крик восторга вырвался у меня...

Полнеба впереди объято было пожаром... Огни! Целый океан огней, блиставших и искривившихся, несся навстречу нам. Все ближе и ближе... Колоссальным ковром, затканым бесконечностью огней, под нами разворачивался волшебный, недоступный никакой фантазии город-гигант, созданный, казалось, из света и хрусталя. «Мститель» замедлил ход и, едва ощутило толкнувшись, замер в воздухе. Мы были у цели...

То, что я увидел, я не забуду никогда, да и мои спутники, я думаю, тоже. Как зачарованные, застыли мы у окон «Мстителя» и в эти минуты я на миг позабыл все: нашу цель, наших друзей и врагов внизу, забыл, где я, и лишь в каком-то экстазе созерцал царственный город под нами. В эти мгновения я молился человеческому гению.

Глубоко под нами, в бездне двух тысяч метров, сплошной сверкающей равниной огней горел и переливался Гениополь. Необъятной шири и размаха, он раскинулся на сотни квадратных километров. Стройные, будто хрустальные башни титанических зданий уходили ввысь, бросая вызов небесам. Нестерпимый блеск мириад огней ослеплял и цепенил... Огни, всюду огни, и среди них, вправленный в эту сверкающую диадему, ровным, немигающим светом, под титаническими стеклянными сводами и перекрытиями пылал эллипс «Стального Замка»...

Этот город-гигант, эти равнявшиеся к небу башни циклопических зданий, это безбрежное море огней и эллипс «Стального Замка» среди них, — все это было для нас воплощением стихийно-свободной человеческой мысли, символом раскрепощенного, созидającego гения. Но мы забыли одно: этот город был столицей Капитала, его последней блистающей вспышкой. Сверхчеловечески-мощную творческую идею человека, он сочетал с самым безудержным гнетом. Символ и творение могучего, всепобеждающего труда, он был олицетворением рабства и дикого насилия...

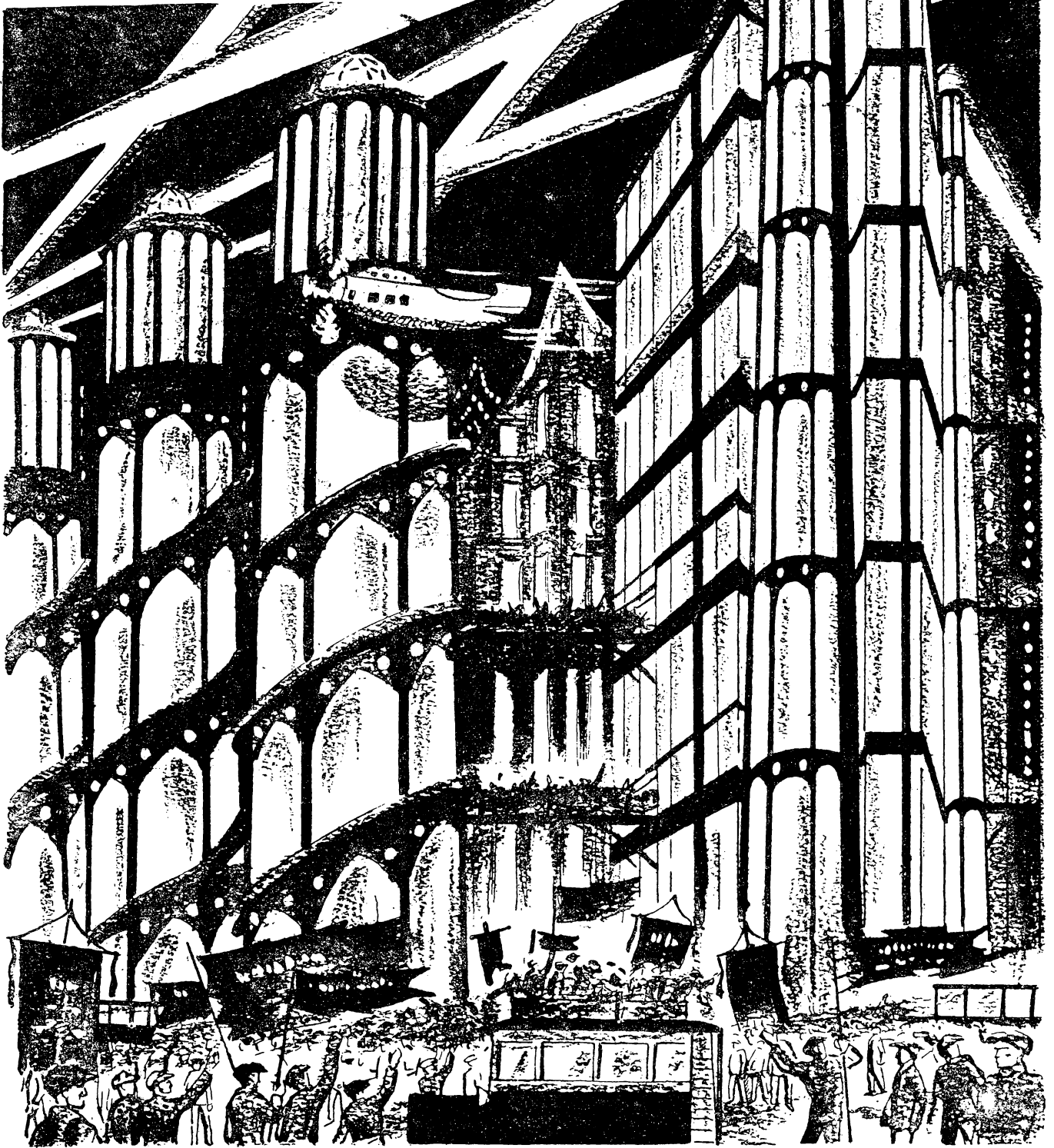
Что-то щелкнуло над самым ухом у меня. Я обернулся. Держа в руках фото-камеру, Губер запечатлевал на пластинке величайший в мире клубок пороков...

— Будем не только зрителями, но и слушателями! — произнес Карстон-и, обернувшись повернул рукоятку в ящике у стены. Тотчас же смутно-далекий, тысячеголосым гулом в каюту ворвался целый вихрь звуков — шум волновавшегося, бессонного города под нами... Чутким, напряженным слухом мы жадно ловили волнующие, живые струны среди клокочущего гула, похожего на рокот прибойных волн.

— Поют, слышите! — вдруг прошептал Берницкий, напряженно прислушиваясь.

ренной призывной вязью чуть слышно долетел знакомый мотив. Нахлынувший сонм звуков на миг захлестнул песню, тотчас схлынул, и она зазвучала вновь.

— Что это? Революция? — каким-то изменившимся голосом говорил Берницкий и, казалось, завеса упала с на-

Огромная, заполненная людьми площадь, лучи улиц, тоже залитых человеческим морем.

Вырвавшись из хаоса тысячи переплетшихся звуков, снизу донесся стройный многотысячный напев. Устремляясь в простор, звенящим каскадом лились мятежные звуки «Интернационала». Слов нельзя было разобрать, но уве-

ших глаз. Уже не было ничего враждебного в мирнадах огней внизу...

«Мститель» медленно опускался... Тихо-Тихо мы скользили навстречу дворцам и башням Гениополя. Все ниже

и ниже... Уже целым потоком врывались звуки, и среди них волнуемой, многотысячной сталью звал на борьбу «Интернационал». Он все рос и рос, ширился и развевался, воцарялся над всем...

Карстон вошел в каюту, держа в руках три продолговатых черных ящика, глядевших на нас круглыми отверстиями с винченными линзами.

— Мой «Унископ»! — сказал он, протягивая мне один из ящичков. — Он увеличивает колоссально. Вот это регулятор зрения... Сам не знаю, как я раньше не вспомнил о них. Лучше поздно, чем никогда, — добавил он, улыбаясь.

Да, «Унископ» был поистине идеальным оружием для глаза. В первую секунду мне показалось, что я гляжу вниз с одной из башен под нами... Огромная, заполненная людьми площадь, лучи улиц, тоже залитых человеческим морем, грандиозные здания, сгрудившиеся четырехугольные автобусных крыш, — все это ошеломяло и кружило голову. Как будто жил этот маленький кусочек, вырванный из города-гиганта!

XI. БОЙ ВО ТЬМЕ.

Стрелка альтиметра показывала 1.000 метров, когда, наконец, слегка заколебавшись, она остановилась. Смотревший в «Унископ» Берницкий, вдруг порывисто повернулся к нам.

— Там революция, товарищи! — тихо проговорил он. — Там идет бой, борьба в самом разгаре. Всмотритесь, красные знамена реют на зданиях и на улицах!

Снова прильнул я к отверстиям «Унископа» и, всмотревшись, вдруг ясно увидел среди человеческого моря крохотные красные островки знамен... Я слегка повернул камеру, и справа в поле зрения вступило колоссальное здание, стоявшее вблизи от «Стального Замка». Здание это было увенчано звездным флагом. Бесчисленные фигурки людей лепились на балконах, террасах, стройными рядами стояли у подножия здания, окружая его. Вокруг не было видно ничего и никого. Улицы были пустынные, но зато там, дальше на других зданиях, людское море кипело и волновалось, непрерывно горя зелено-оранжевыми вспышками. Повидимому, это были выстрелы.

Я повернул камеру. В поле зрения были новые улицы, новые здания, новые люди. И здесь шла борьба...

Вдруг, точно по мановению чьей-то всемогущей руки, разом погасли огни многомиллионного города, и все погрузилось во тьму. На миг новой, резкой нотой зазвучал гул города и человеческого моря; оторвавшись от «Унископа», я глянул вниз и увидел феерическое зрелище...

Гениополь затаялся во тьме и на ее бархатном фоне непрерывным, перегибающим блеском огней фосфорился огромный, неправильный эллипс, обвившийся вокруг «Стального Замка».

— Какой великий, исторический момент! — раздался возле меня голос Берницкого. — Ведь эти огни — железное кольцо революции, обвившееся вокруг последних могикан Капитала. Ведь здесь, сейчас, мы видим, последний аккорд мировой революции.

— Смотрите! — раздался возглас Губера. — Смотрите, там... кольцо суживается...

Медленно, как мука агонии, вгибалась внутрь линия огней на северо-западе эллипса. Шаг за шагом, в огне и крохи, революция шла вперед. Трепеща и извиваясь, все стягивалось и стягивалось неумолимое кольцо. Грозный, kloкошущий рев еще резче доносился в наступившей темноте. И вдруг...

Призрачным, зелено-дымчатым светом внутри эллипса зажглось легкое пламя. Струя будто дымящегося света протянулась к линии огней... Секунда-другая, и мы увидели, как отхлынула вдруг живая волна отакующих, раздвинулась сталь кольца, смятый и разорванный стих «Интернационал», — и даже сюда, ввысь, долетел страшный крик, крик боли и бессилия тысяч людей, пораженных каким-то чудовищным, неведомым оружием...

Безмолвно, в каком-то оцепенении, мы стояли у окон. В воцарившейся в каюте тишине возле меня раздавалось прерывистое дыхание Губера. Так прошло минут пять — целая вечность. «Мститель» попрежнему стоял в воздухе. Зияющая черная брешь разрывала эллипс, растягивавшийся в кольцо, потому что на западной стороне линия огней стремительно отступала. «Интернационал» смолк, город был погружен во тьму, лишь внутри «Стального Замка» слабым, колеблющимся светом догорало дымчатое пламя, да кой-где по городу разбросались боязливые искорки случайных огней.

Вдруг снова вспыхнул свет и Гениополь попрежнему засветился миллионами огней. Мгновенно в потоках света утонуло кольцо осады, разом, казалось, прекратился бой. Прильнув к камере «Унископа», я теперь видел там и сям полуразрушенные громады зданий, облепленные людьми, и движущиеся человеческие потоки в беспорядке устремлявшиеся куда-то. Внутри кольца немногочисленные, стройные группы людей суетливо, но в порядке двигались с места на место. На зданиях развевались звездные знамена... Это были защитники «Стального Замка»...

XII. НАВСТРЕЧУ БРАТЬЯМ.

— Спокойствие, товарищи! — прозвучал голос Карстона. — Нам нужно сейчас решить, как поступить дальше. Мы, конечно, не можем оставаться безучастными зрителями...

— Дадим им радиogramму! — волнуясь прервал Губер. — А затем, затем сами спустимся туда... вниз...

— Я хотел предложить то же, — сказал Карстон, — хотя с моим «Мстителем», — в голосе его зазвучала гордость, — мы и отсюда, сверху, могли бы помочь, нашим братьям. Все же я целиком присоединяюсь к вам, Губер! — закончил он, и в следующую минуту с антенны корабля сорвалась и полетела радиogramма:

... «Аппарат свободного мира, прорвавшийся через электромагнитную броню, пламенно приветствует борющийся народ. В эти мгновения мы реем в воздухе над городом, скоро будем с вами. Ждем ответа».

«Мститель» был поистине изумительной аэромашиной. Буквально с каждым часом я находил в нем все новые и новые качества, и когда первый луч прожектора упал на нас, увидел еще одно из них... В один безумно-короткий миг задвинулись окна, загудели машины, страшный толчок сбил с ног всех нас и как снаряд, выпущенный из жерла орудия, «Мститель» уже несся вверх...

— Что случилось? Куда мы? — воскликнул Берницкий, вставая и держась за ушибленный локоть.

— Точно не знаю, но, кажется, нас ищет враг. Наша радиogramма, повидимому, встревожила хозяев «Стального Замка», — ответил ему Карстон и неровной, тяжелой походкой направился в рулевую каюту.

Подъем длился недолго, не более 3 — 4 минут, затем темп его стал ослабевать, раздвинулась обивка стен, ночь глянула в каюту, и «Мститель» вновь замер в воздухе.

— Восемь тысяч метров! — входя в каюту проговорил Карстон. — Пусть-ка достанут! — и он засмеялся тихим, сдержанным смехом.

В этот момент радиоприемник «Корсара» поймал ответ на нашу радиogramму: «Восставшие пролетарии ждут братьев из свободного мира. Привет вам. Ждем», — коротко говорилась в ней.

Я подошел к окну. Щупальца бесчисленных прожекторов исполосовывали небо, пучками разбегаясь из «Стального Замка». Огненные очи обыскивали темную лазурь, но мы были уже невидимы для них, защищенные серо-голубой окраской «Мстителя». Но внизу нас ждали и аппарат двинулся вперед. Все быстрее и быстрее Гениополь уплывал мимо окна.

Пролетев несколько десятков километров за город, «Мститель» начал опускаться. Держась на высоте 300 — 400 метров, аппарат понесся назад, к Гениополю. Вверху над нами бесчисленные юркие полосы света ошупывали небо. Впереди полгоризонта застилала стена зданий-гигантов. Карстон сам управлял аппаратом.

В рулевой каюте, где на минуту собрались все, произошло нечто вроде маленького совещания.

— Я думаю, — говорил Берницкий, — нам нужно опуститься как можно скорее, едва лишь мы будем над городом. Иначе, как знать, нас могут принять за врагов, со всеми последствиями, разумеется.

— А сейчас — дать радиogramму! — вставил механик Поуэлл.

— И световые сигналы, — добавил я, — если они есть! — и в ответ на мой вопросительный взгляд, Карстон утвердительно кивнул головой.

Заработал радиопередатчик, одна за другой под дном аппарата замелькали разноцветные вспышки огней, ответная радиogramма коснулась нашего приемника и, плавным ходом «Корсар» поплыл над улицами и площадями Гениополя. Темная, волнуемая людская масса расступилась, и легкий приглушенный толчок поставил аппарат на огромной, полной народом площади...

Мы были в Гениополе...

ХІІІ. В ОЧАГЕ РЕВОЛЮЦИИ.

Я последним вышел наружу через узкую, автоматически отворившуюся дверь. Неоглядная, многотысячная толпа сплошь заполнила площадь, вплотную подступив к аппарату. В нескольких шагах от него, стоя на какой-то импровизированной трибуне, Губер горячо и пылко уже что-то говорил, а переливчатый, гулкий шум сочувствия волнами перекатывался по молчаливой толпе...

В ту минуту, когда я с подножки ступил на землю, из толпы выделились двое и подошли к нашей группке, стеснившейся у дворец «Мстителя».

Один был плотный, среднего роста мужчина, с русой бородкой, плотно сжатыми губами и острым взглядом. Другой был высокий, худой brunet, сутуловатый, с нервными нетерпеливыми движениями. Как бы угадав в Карстоне капитана «Мстителя», высокий brunet сразу обратился к нему...

Каюсь, у меня ускользнуло из памяти, что именно он говорил. Помню лишь, что приветствовал нас от имени «восставшего и побеждающего народа», говорил о близкой победе, о братстве народов, о нашем прилете. Прямо против нас, тяжелой давящей массой вздымалась громада тысячеконного здания. Там, по его словам, был мозг и нервы революции, там был штаб восстания, там кропотливо строилось новое, революционное правительство, и туда звал нас Редвуд, так звали bruneta.

Его речь длилась минут пять и по мере того, как он говорил, лицо Карстона хмурилось все больше и больше...

— Довольно, тс-зариш! — воспользовавшись паузой прервал он Редвуда. — Мы прилетели сюда не для того, чтобы представительство или гостить. У нас есть, — он кивнул в сторону «Мстителя», — машина, граничащая с чудесной. Скажите, что нам делать, чтобы помочь восстанию?!... Ведь каждую минуту там, на постах у «Сталь-

— Я надюсь, Ведрин, что вы не откажетесь взять на себя роль нашего дипломатического представителя. В конце концов, ведь это же наш долг перед хозяевами страны — сделать им визит...

Я не колебался ни секунды. Соблазнительная перспектива — первым окунуться в этот загадочный мир — улыба-

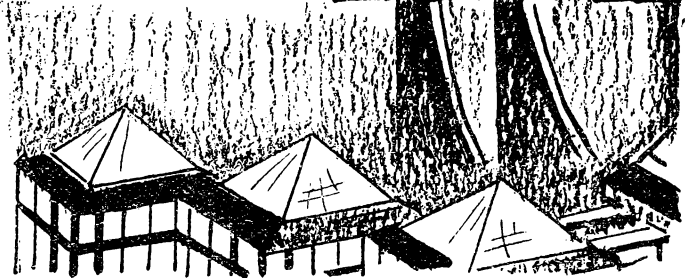
... мы очутились на длинной террасе.

ного Замка», гибнут десятки, быть может сотни бойцов. Дорога каждая секунда, каждое мгновение. Укажите же, что нам делать?!

Лицо Редвуда просветлело. Быстро, с энтузиазмом, он заговорил вновь.

— Я счастлив, товарищи, слыша эти слова. Это слова истого революционера! Мое приглашение... это был наш... ну, долг вежливости, что ли! Ведь мы не знаем вашего мира, его жизни, его идеологии... Но все же я надюсь, что вы, товарищи, делегируете одного из своих к нам. Поймите, как горячо, с каким жгучим нетерпением, ждем мы все увидеть и услышать вас, вестников далекого свободного мира...

Карстон обернулся ко мне.

нулась мне во всю ширь, и я утвердительно кивнул головой.

— Значит, да! — проговорил Карстон и, склонившись ко мне на ухо, лукаво прошептал: — Какая сенсация для «Европейской Правды»... Не так ли?

— Ну, а что же делать нам? — продолжал он, обращаясь к Редвуду, — Наш посланник готов приступить исполнению своих обязанностей.

— Я вкратце изложу вам суть дела! — быстро по делу вступил Редвуд, — «Стальной Замок» сейчас осажден. Его близкое падение неизбежно. У них есть несколько аэро самой совершенной конструкции, но аэропристань в «Стальном Замке» разрушена, и хозяева его хотят отбить у нас аэропристань Стенхилль, это возле «Стального Замка». Они, — в голосе его зазвучала ненависть, — хотят спастись бегством от мести народа. Так вот, если вы со своей машиной сумеете помешать их бегству... Хотя у нас тоже стоит в полной боевой готовности целая эскадрилья, но должен признаться, ваш аппарат много совершеннее наших... Вот это будет самое лучшее, чем вы можете помочь нам. Будьте готовы, а в момент атаки «Стального Замка»...

— Отлично! — сживостью прервал Карстон. — Мы готовы в любой момент. «Мститель» поднимется. Я думаю вы не откажетесь сопутствовать нам? — он вопросительно взглянул на Редвуда.

— Да, конечно! — ответил тот и обратился к своему молчаливому спутнику. — Вы, Кемминс, отправитесь сейчас с этим товарищем в «Комитет Восстания», а мы, — он повернулся к Карстону, — поднимемся сейчас на крышу «Дворца Техники» и будем наготове. Оттуда восточная часть города видна как на ладони...

Неслышно затворилась дверца «Мстителя», заглушенный ритм машин прозвучал вновь и, плавно отделившись от земли, «Мститель» полыл ввысь. Я остался один со своим спутником, среди бурно плескавшегося человеческого моря.

XIV. «СТАЛЬНОЙ ЗАМОК».

Я «представительствовал» в «Комитете Восстания» несколько более получаса. Неодолимая сила тянула меня на улицы, в огонь борьбы, к «Стальному Замку». Повидимому в этом сказывалась моя профессия журналиста-корреспондента и природная авантюристическая жилка. Как бы там ни было, но через полчаса я с Кемминсом через дугу огромной арки вышли на подъезд «Комитета Восстания» и сели в авто, направляясь к «Стальному Замку».

Густая, бурлящая толпа принуждала нас ползти черепашьим шагом, поминутно останавливаясь. Лихорадочное нетерпение, чувство близкой борьбы толкало и гнало меня вперед. Я забрасывал Кемминса тысячами вопросов, прерывал его, не дослушав, не давая ответить на старые, задавал ему все новые и новые вопросы... А авто полз, становилось и вновь полз, чтобы через несколько десятков метров стать вновь. Я не выдержал и, обрывая своего спутника, вскопился на ноги.

— Нет, это немыслимо... Так ехать... Это дико, нелепо! Сколько километров отсюда до «Стального Замка»?

— Не больше трех, трех с половиной, — ответил Кемминс и я увидел, что ему тоже надоела и рвала нервы эта черепашья езда.

— Так сойдемте с авто и отправимся пешком! — проговорил я, и тотчас, будто только этого он и ждал, Кемминс поднялся с сиденья, распахнул дверцу и мы были на земле.

— Идите за мной, вон туда! Так мы скорее доберемся! — и Кемминс указал рукой на легкий мостик, переброшенный над нашими головами на уровне 35—40 этажей.

— Это верхние пути. Там людей меньше. Вот сюда! — и мы вошли в просторную кабину подъемной машины в фасаде серого, мрачного небоскреба. Мандат «Комитета Восстания» давал нам возможность не терять ни секунды. Кабина взвилась вверх, отворилась дверца, и мы очутились на длинной террасе. Прямо перед нами был узкий и хрупкий мостик, уходивший в огромную, черную дыру в здании напротив. Мы сделали по мостику несколько шагов и я замер на месте.

Передо мной был «Стальной Замок» во всей своей красе. Построенный на холме с отвесными боками, он господствовал над городом. Стекло-железо-бетонные здания, башни и перекрытия горели, как сказочный хрустальный дворец, а посредине, вытянувшись к небу, стояла волшебная, вся облитая светом «Башня Железной Руки»...

— Идемте! Скорее! — раздался над моим ухом голос Кемминса и, оторвавшись от грандиозного зрелища, я устремился за ним.

Скорым шагом мы двинулись через мостик. На середине Кемминс вдруг резко остановился и перегнувшись через перила, глянул вниз, а вслед за ним и я.

Глубоко под нами копошился и суетился растревоженный людской муравейник. Но только этот муравейник не был безмолвен. Крики, лязг какой-то неопределенный гул, все это стливалось в какую-то невообразимую какофонию. Но из этого сонма звуков стихийно вырвалась вдруг одна нотка и, подхваченная десятками тысяч людей, полилась размеренная под ногу могучая песня. Раз-два-три... Раз-два-три... и ей вторил размеренный ритм шагов стройной, бесконечной, колонны, направлявшейся в сторону «Стального Замка».

— Идемте! Довольно! — бросил Кемминс, и мы двинулись дальше. Мостик вонзался в арку огромного дома. Кемминс, резко свернул влево. Похожая на какую-то широкую, залитую светом и людьми террасу, перед нами расстилась дорога на высоте 35 — 40 этажа. С одной стороны, ее окаймляла отвесная стена здания, с другой — хрупкие перила, за которыми была бездна...

В сутолоке в лихорадочной спешки, забрасывая Кемминса вопросами, рассеянно вслушиваясь в ответы, я помню, как Кемминс остановился вдруг у перекрестка, покрытого огромной, перекинутой с краю на край, стеклянной крышей. Деревянный, оглушительный голос громкого громкоговорителя что то резко выкрикивал...

— Стойте! Послушаем, что он говорит! — сказал мой спутник.

«Алло! Алло! Алло! В западном районе осады враг переходит в наступление... Алло! Алло! Он хочет отбить Стенхилльскую аэропристань... Народ непобедим! Алло! Алло! Все к «Стальному Замку!» К оружию, товарищи!...

Голос смолк, захрипев, будто подавившись. Кемминс схватил меня за руку.

— Скорее туда! К «Стальному Замку!».. Ах, смотрите, что это? Наша эскадрилья!...

XV. ОГНЕННЫЙ МЕЧ.

Поднявшись откуда-то с северо-запада, к «Стальному Замку» неслись рой аэро. Тесным, сомкнутым треугольником они вихрем мчались к холодно-бесстрастному эллипсу на скале. И тотчас же грозным ответом загорелся «Стальной Замок»: вспыхнули бесчисленные иглы прожекторов, впились в небо и облитая их лучами эскадрилья с минуту неслась навстречу башням фантастического замка. Только минуту, а в следующую из груди «Стального Замка» нестерпимым бело-зеленым зноем сверкнула дымчатая, конусообразная струя, вытянувшись навстречу треугольнику, и аэро, целая эскадрилья их, вспыхнули и легкой дымкой растаяли в вихре, в течение 2—3 секунд...

Какой-то не то крик, не то стон, будто вырвавшийся из груди побежденного зверя, раздался возле меня. Я обернулся. С искаженным лицом, вцепившись в железные перила мостика, как окаменелый стоял Кемминс. Лицо его выражало беспредельное горе и отчаяние. В следующее мгновение что-то тяжело ухнуло вокруг нас, под нами, — и дикий, звериный рев толпы потряс воздух.

— Кемминс! Кемминс! — вскричал я, стараясь пересилить бушующее море звуков. — Придите в себя, возьмите себя в руки! Свершившегося факта ведь все равно не вернуть!...

— Да, вы правы! Хорошо! — повернулся он ко мне, и я видел, как вздрагивали его плечи и тяжелое, прерывистое дыхание вздымало грудь. — Но поймите, — в голосе его зазвучало отчаяние, — ведь это была наша гордость, наше орудие мести, наша последняя надежда отомстить им, не допустить их бегства. А теперь они улетят и мы их не удержим. Бомбардируют нас и мы бессильны. Орлы с подрезанными крыльями!

Я нагнулся к уху Кемминса и, сквозь адский шум и крики вокруг, закричал во всю силу легких:

— Нет, крылья не подрезаны! Карстон говорит, что «Мститель» не боится этих лучей. Карстон не даст им бежать. Он самый гениальный инженер нашего мира. Спешим же к «Стальному Замку».

Продираясь сквозь густую толпу, мы перешли мостик. Вдоль зданий опять потянулась нескончаемая лента дороги...

— Стойте! Сюда! — и мы свернули вправо, через огромную, широкую дверь. — Сюда! Здесь, внизу под землей, станция метрополитена... В Уэстпорт... Оттуда в Гамменвилль, — отрывисто, сквозь нечеловеческий хаос звуков бросал мне Кемминс.

Мандат «Комитета Восстания» мгновенно опустил нас на 25 метров под землю, втиснул в вагон метрополитена, и мы двинулись.

Рассказ А. Конан-Дойля

Рисунки Г. Ланге

Был октябрь месяц. Ветер в то утро яростно бушевал, и я смотрел, как крутятся в вихре последние листья, сорванные с платана, растущего в нашем дворе. Когда я спустился вниз к раннему завтраку, то предполагал найти своего друга в совершенно подавленном состоянии духа; он был чрезвычайно чувствителен ко всяким внешним влияниям. К моему глубокому изумлению, он собирался уже подняться из-за стола. Настроение у него, повидимому, было самое благодушное, и в его веселости была нотка чего-то зловещего.

— Холмс, вы занялись каким-то делом? — спросил я.

— Я вижу, что способность к дедукциям заразительна, Ватсон! — ответил он мне. — Да, вы не ошибаетесь, я занялся одним делом. После целого месяца полной остановки: машина снова пускается в ход.

Через четверть часа, когда со стола было убрано, мы с Холмсом сидели друг против друга. Он вынул из кармана письмо.

— Вы знаете, — сказал он мне, — Нейля Джибсона, золотого короля?

— Американского сенатора?

— Да, но вот уже пять лет, как он живет в Англии и стал владельцем огромного поместья в Хэмпшире. Вам, конечно, известна трагическая смерть его жены.

— Да, да, припоминаю, но подробностей дела не знаю.

Холмс сделал жест в сторону лежавших на стуле газет.

— Я не предвидел, что мне придется им когда-либо заниматься, — сказал он. — Впрочем, дело это, повидимому, не представляет особых трудностей для разрешения. Исход его не оставляет никаких сомнений. Я могу, Ватсон, рассказать факты, но не могу их изменить. Если против всякого ожидания никаких новых фактов не обнаружено, то я боюсь, что моему клиенту не придется убаюкивать себя никакими надеждами.

— Вашему клиенту?

— Ах, да, я и забыл! Ваша привычка, Ватсон, овладевает и мною: я помещаю телегу впереди быков. Вот прочтите.

На листе бумаги, который протягивал мне Холмс, смелая властная рука набросала следующие строки:

Кларидж Отель, 3 октября.

Дорогой Холмс!

Могу ли я спокойно глядеть на то, как лучшая из женщин идет прямо на смерть! Я не беру на себя задачи объяснить то, что до сих пор кажется мне необъяснимым, но я знаю и утверждаю, что мисс Денбар невиновна. Вы знаете обстоятельство дела, не правда ли? Они служат притчей во языцех для английской хроники происшествий. Подобная несправедливость сводит меня с ума. Я заеду к вам завтра, утром в девять часов.

Может быть, благодаря Вам, луч света прорежет тьму; может быть, я доставлю Вам какое-либо указание, которого сам я не принял во внимание. Все, что я имею, находится в Вашем распоряжении для спасения этой молодой девушки. Если Вам еще никогда не приходилось не щадить всех средств, то пусть это будет в данном случае.

Искренно Ваш Дж. Нейль Джибсон.

— Теперь вы в курсе дел, — сказал мне Шерлок Холмс, выкурив свою первую трубку и выколачивая из нее пепел, чтобы перейти сейчас же ко второй. — Клиент, которого я ожидаю, это Нейль Джибсон. Что же касается обстоятельств данного случая, то мне придется передать вам вкратце наиболее существенное для уяснения дальней-

шего. Нейль Джибсон — один из самых могущественных в мире финансовых властелинов. Говорят, что у него буйный, опасный характер. Относительно его жены, жертвы рассматриваемой нами ныне драмы, я не знаю ничего, кроме разве того, что она была не первой молодости и жестоко страдала из-за обаятельности молодой гувернантки, которой были поручены ее дети. Муж, жена, гувернантка, — таковы персонажи, находящиеся на сцене. В качестве декорации — старый замок среди исторического поместья. И вот самая драма: однажды ночью жену находят распростертой на земле, на расстоянии приблизительно полу-мили от дома. Она в вечернем туалете, на плечах у нее шаль, а висок пробит револьверной пулей. Рядом никакого оружия. Повидимому преступление было совершено довольно поздно вечером. Труп был обнаружен лесным сторожем около одиннадцати часов. Полиция и врач подвергли тело осмотру до перенесения его в замок. В преступлении подозревают гувернантку. Прежде всего имеется прямая улика: револьвер, в котором не хватало одной пули и калибр которого соответствовал калибру пули, причинившей смерть, был найден в ее гардеробе внизу.

Устремив перед собою взор, Холмс несколько задумался. — Вот как обстоит дело, Ватсон. И вы, конечно, понимаете, что это серьезная улика. Кроме того при мертвой была найдена записка, назначающая ей свидание на том месте, где было совершено преступление, и на записке была подпись гувернантки. Что вы об этом думаете? Наконец, есть и побудительная причина для преступления. Сенатор Джибсон величина огромная; если бы жена его умерла, то ее могла заменить молодая гувернантка, которой он уже оказывал, по слухам, знаки весьма большого внимания. Итак, любовь, богатство, власть — все зависит от одной жизни, клонящейся уже к закату. Скверная история, Ватсон, очень скверная.

— Гувернантка, — продолжал Холмс, — не может сослаться ни на какое алиби. Она созналась, что около времени убийства она находилась недалеко от Торского моста, который был театром этой драмы. Она уже потому не могла отрицать своего присутствия на том месте, что один из поселян ее там встретил.

— Обстоятельство, как мне кажется, имеющее решающее значение.

— И все-таки, Ватсон все-таки!.. Торский мост — это каменная арка, огороженная по обим сторонам баллюстрадой, а через нее главная замковая аллея в своей наиболее суженной части доходит до длинного и глубокого водоема, окаймленного камышами, который называется Торским прудом. У самого входа на мост и лежал труп. Таковы главнейшие факты. Остается только упомянуть о самой жертве.

Родившись под тропиками, она и по темпераменту была женщиной тропиков. Солнце и страсть разжигали в ней кровь. Она любила своего мужа так, как умеют любить подобные женщины. Говорят, она была очень красива; потеряв свои физические чары, она потеряла все, чем его удерживала при себе.

В назначенный час тяжелые шаги потрясли нашу лестницу и мы увидели появление знаменитого миллиардера. Если бы я был скульптором и у меня явилась бы фантазия изваять олицетворение человека, которому везет в делах, человека со стальными нервами и эластичной совестью, то я выбрал бы его своей моделью. Высокая, сухоплая, костлявая фигура говорила об аппетите хищника. Лицо, с резко выступающими углами, казалось высеченным из гранита, такая в нем была жестокость, такая неумолимая суровость, настолько оно было изрыто

глубокими линиями и изборождено следами пережитых потрясений. Его серые холодные глаза, затененные мохнатыми бровями, прощупали поочередно лицо Холмса и мое с неприятной проникновенностью. Он церемонно поклонился, а потом, с таким видом, словно был у себя дома, придвинул стул к стулу моего друга и сел рядом с ним так близко, что почти касался его своими острыми коленями.

— Позвольте мне прежде всего заявить вам, мистер Холмс, — начал он, — что деньги для меня не играют никакой роли в настоящем обстоятельстве. Выбрасывайте их за окно, если рассчитываете таким путем прийти к истине. Эта молодая девушка невиновна и нужно, чтобы она была чиста от малейшего подозрения. Итак, назовите цифру.

— У меня всегда одна цена, — холодно ответил Холмс. — Я никогда от нее не отступаю, разве лишь для того, чтобы отказаться от всякого вознаграждения.

— Пусть будет так! Доллары вас не интересуют, но ваша репутация. Выведите мне дело на чистую воду, и я вам обещаю великолепную рекламу в английской

состоящему у него на службе. Никогда я с нею не разговаривал, никогда я ее не видел вне общества моих детей.

Холмс встал.

— Я очень занятой человек, мистер Джигсон; у меня нет ни досуга, ни вкуса к праздным разговорам. Всего вам хорошего!

Наш посетитель тоже поднялся с места, подавляя Холмса своей высокой нескладной фигурой.

— Вы обвиняете меня во лжи?

Я вскочил на ноги, потому что лицо миллиардера явно выражало дьявольское бешенство, и он поднял уже огромный узловатый кулак. Однако, Холмс улыбался с усталым видом, вынув изо рта трубку:

— Не шумите, мистер Джигсон! Я считаю, что после завтрака даже самый небольшой спор вреден для здоровья. Послушайте меня и ступайте подышать утренним воздухом: это освежит ваши мысли и принесет вам пользу.

Я подивился, с каким самообладанием золотой король, сумев побороть себя: от самой сумасшедшей ярости он моментально перешел к ледяному спокойствию.

— Да, мистер Холмс, я слишком поторопился истолковать в дурном смысле ваши слова. Вы правы, проявляя такой интерес к фактам, каковы бы они ни были. Но

Вы обвиняете меня во лжи?

и американской прессе. Оба континента будут говорить только о вас.

— Большое спасибо, мистер Джигсон, но я не думаю, чтобы мне нужна была и реклама. Но мы теряем время. Перейдем к фактам.

— Вы найдете их с достаточной полнотой изложенными в газетах. Впрочем, если есть какой-нибудь вопрос, который вы хотели бы осветить, то я в вашем распоряжении.

— Я бы хотел знать истинный характер ваших отношений к мисс Денбар.

Золотой король сделал резкое движение, заставившее его выпрямиться во весь рост, но тотчас же снова принял свой спокойный вид.

— Я предполагаю, что у вас имеются достаточные основания обратиться ко мне с подобным вопросом.

— Предположим это, — произнес Холмс.

— Хорошо! Я могу вас уверить, что мои отношения к мисс Денбар были всегда отношениями хозяина к лицу,

я могу уверить, что мои отношения с мисс Денбар не имеют никакого касательства к этому делу.

— Это должен решить я, не правда ли?

— Возможно! Но вы согласитесь, мистер Холмс, что мужчине, которому с места в карьер задают вопрос о характере его отношений с женщиной, весьма трудно подавить движение возмущения, если только дело идет о серьезном чувстве. У большинства людей есть в глубине души тайный уголок, куда им неприятно пускать посторонних. И вот туда-то вы и ворвались так внезапно. Жребию брошен, тайный уголок открыт перед вами, производите какое угодно исследование. Что вы хотите знать?

— Истину!

Золотой король умолк на мгновение, как будто приводя в порядок свои мысли. Его мрачное, с резкими чертами лицо сделалось еще более суровым и печальным.

— Мне будет достаточно нескольких слов для объяснения, мистер Холмс! Я познакомился со своей женой

в Бразилии, в те времена, когда искал там золото. Мария Пинзо, дочь чиновника в Минассе, была очень красива. Я же обладал всем пылом юности. Натура богато одаренная, со страстным сердцем, исключительным и неумеренным, она не обладала равновесием, она совершенно не походила на других американок. Короче сказать, я ее полюбил и на ней женился. Этот роман продолжался несколько лет, но у нас с ней не было решительно ничего общего и любовь моя пошла на убыль. Я старался вытравить у нее всякое чувство ко мне, я доводил свою черствость к жене до жестокого обращения, рассчитывая, что, убивая ее любовь и превращая ее в ненависть, я оказываю услугу обоим. Напрасный труд! Она продолжала обожать меня в родах Англии так же, как обожала меня двадцать лет тому назад на берегах Амазонки. Мои самые скверные поступки ничуть не отражались на ее преданности. И вот как раз в это время, желая найти гувернантку для наших детей и сделав объявление, я увидел перед собою мисс Грэйс Дэнбар. Быть может, вы видели ее портрет в газетах. Сознаюсь, что не мог жить под одной кровлей с этой женщиной, и не увлечся ею страстно. Вы порицаете меня, мистер Холмс?

В течение всей жизни мне нужно было только протянуть руку, чтобы получить все то, чего я желал. И никогда еще я ничего так не желал, как любви этой женщины. И я ей это объяснил.

— В самом деле?

Волнение обычно придавало Холмсу такой авторитет, против которого нельзя было бороться.

— Я ей заявил, что женился бы на ней, будь я свободен, но готов сделать все для обеспечения ее счастливого существования.

— Не сомневаюсь в вашей щедрости! насмешливо сказал мой друг.

— Позвольте, мистер Холмс! Я здесь нахожусь по вопросу, который не требует нравочений. Оставьте ваши критические замечания при себе.

— Если я соглашаюсь заняться этим делом, то единственно ради этой молодой девушки, — свирепо ответил Холмс. — Вы принадлежите к числу тех нескольких богатей, которым не следовало бы позволять всегда рассчитывать на преступную снисходительность света.

Я в глубине души был сильно удивлен, видя, что золотой король принял без протеста выговор.

— Это я и сам себе теперь говорю. К счастью, мои проекты потерпели неудачу. Мисс Дэнбар отклонила все мои авансы. Она хотела сейчас же бежать из моего дома.

— Почему же она осталась?

— А потому, что на ее попечение были некоторые лица и ей пришлось бы пожертвовать ими, оставив место. Когда я клятвенно обещал ей прекратить свои расследования, она согласилась остаться. Но решительное значение имела другая причина: она знала, что имеет на меня влияние, несравнимое ни с каким другим, и думала использовать его в надлежащих целях.

— Каким образом?

— Видите ли, она немного знала мои дела. А мои дела, мистер Холмс, имеют такой размах, которого не может себе представить обыкновенный смертный. Я создаю и уничтожаю по своему усмотрению, — чаще всего уничтожаю, — не только отдельные личности, но и общества, города, даже целые нации. Жестокая игра — занятие делами и тем хуже для слабого, если он бывает в ней раздавлен уже в самом начале. Мисс Дэнбар не разделяла моих взглядов на этот счет и заявляла, что никто не имеет права строить свое богатство ценою гибели многих тысяч других людей; вероятно, она видела, что кроме долларов есть еще что-то более ценное. Заметив, что я прислушиваюсь к ее словам, она решила, что сказывать на меня влияние — значит служить общественным интересам. Поэтому, она осталась, а в итоге произошла драма.

— А относительно самой драмы вам неизвестно ничего такого, что могло бы ее немного осветить?

Золотой король с минуту молчал. Сжав голову руками, он углубился в свои мысли.

— Все обвиняет мисс Дэнбар, я этого не отрицаю. Ведь у женщины есть внутренняя жизнь, в которую никто не проникает, и женщины бывают способны на поступки, ускользающие от понимания мужчины. Мне пришлось на мысль объяснение и я предлагаю его вам, мистер Холмс, в том виде, в каком оно передо мной явилось. Ревность духовная часто принимает те же формы бешенства, что и ревность физическая. Если у жены моей не было никаких оснований шпионить за мисс Дэнбар, то она не пребывала в неведении относительно того, что молодая англичанка имеет надо мною такую власть, какой сама она никогда не

имела. Власть благотворительную, но это ничего не изменяет. Она сходила с ума от ненависти, а пламенные бразильские небеса всегда разжигали ее кровь. Быть может, у нее был план убить мисс Дэнбар или, может быть, угрожая ей револьвером, она хотела вырвать у нее обещание покинуть нас. Произошла борьба, револьвер выстрелил и убил ту, которая его держала.

— Я уже думал об этом! — сказал Холмс.

— Но такое объяснение наталкивается на отрицание со стороны мисс Дэнбар!

— Лишь бы оно было верным, а заключение мы сможем вывести сами. Понятно, что после такой страшной сцены женщина, вернувшись к себе в состоянии, близком к сумасшествию, да еще вооруженная револьвером, бросает его среди своего платья, почти не отдавая себе отчета в том, что делает. А когда револьвер находят, то не может сознаться искренне во всем и ищет убежища во лжи. Что, по вашему мнению, может противоречить подобной гипотезе?

Самый характер обвиняемой.

— Мне очень хотелось бы этому верить.

Холмс взглянул на часы.

— Похоже на то, что мы еще сегодня утром получим необходимый пропуск, чтобы повидать обвиняемую в тюрьме. Возможно, что я окажусь еще вам полезным, но я не гарантирую, что мои заключения совпадут с вашими ожиданиями.

Мы отправились в Хэмпшир, к сержанту Ковентри, который первый занялся этим делом. Ковентри был мужчина очень высокого роста, худой, как скелет и, судя по его манерам, можно было думать, что он знает и подозревает больше того, о чем говорит. Однако, у него оказалась привычка понижать голос до шопота и под видом секрета первостепенной важности говорить вам на ухо совершенно пустяковую вещь. Впрочем, это так к слову. Скоро он постарался проявить себя перед нами и оказался достаточно скромным, чтобы признать, что в данном деле утерял почву под ногами.

— Теперь, когда вы собираетесь начать расследование, мне хотелось, мистер Холмс, задать вам один вопрос. Не думаете ли вы, что настоящий виновник — мистер Нейль Джибсон?

— Я и сам задаю себе этот вопрос, — отвечал Холмс.

Если бы вы знали мисс Дэнбар. Красавица и чудесная особа во всех отношениях. И если мистер Джибсон захотел освободиться от своей жены, то у американцев револьвер всегда наготове. Ведь это его револьвер послужил орудием убийства.

— А это вполне доказано?

— Да, мистер Холмс. Револьвер этот один из пары.

— Из пары. Но тогда где же другой?

— У мистера Джибсона целая куча такого оружия. Мы тщетно искали второй такой же точно револьвер. Однако, ящик сделан на два револьвера. Можно показать вам всю коллекцию, если вы хотите сами проверить.

— Потом, сперва нужно бросить взгляд на место драмы.

Через полчаса мы уже были у боковой решетки парка и направились по дорожке, которая вывела нас к самому дому. Он увенчивал вершину холма своим огромным фасадом, а перед ним простирался пруд, обрамленный тростниками. Узкий посередине, где его пересекала главная аллея, проходившая через каменный мост, он расширялся по обеим сторонам, образуя небольшие озера. Наш проводник, остановившись у входа на мост, показал нам на землю.

— Вот здесь лежал труп мистрис Джибсон! — сказал он.

— Насколько я понял, вы явились сюда, когда все еще было в нетронutom виде.

— Да, за мной сейчас же прибежали.

— По чьему распоряжению?

— По распоряжению самого мистера Джибсона. Когда забили тревогу и он со всеми домочадцами выбежал из дому, то он посоветовал ничего не трогать до прибытия полиции.

— Весьма мудрый совет. Судя по газетам, выстрел был произведен с близкого расстояния.

— С очень близкого, мистер Холмс.

— В левый висок?

— Как раз сзади.

— Каким образом лежал труп?

— На спине. Никаких следов борьбы. Никаких знаков. Пальцы мертвой еще сжимали записку мисс Дэнбар.

— Сжимали, вы говорите?

— Да, мистер Холмс; мы разжали их лишь с большим трудом.

— Это весьма важная подробность. Она исключает мысль, что записка была нарочно вложена в руку мертвой, чтобы навести полицию на ложный след. Эта записка, насколько мне кажется, сводилась всего к одной строчке, под которой стояла подпись: «Я буду у Торского моста в девять часов. Г. Денбар». Так?

— Точно так.

— Какое объяснение дает обвиняемая?

— Она оставляет свое показание для суда.

— Интересная задача. А вопрос о револьвере остается, не правда ли, самым темным?

— Извините меня, мистер Холмс, но этот вопрос казался мне самым ясным во всем деле.

Холмс покачал головой.

— Если записка подлинная, а нам известно, что она подлинна, то мистрис Джибсон должна была получить ее за час, за два до драмы. Но в таком случае, почему же записка еще была у нее в левой руке? Зачем ей понадобилось нести ее с собой на свидание? Для чего она ей была нужна? Это вас не поражает?

— Да, быть может теперь, когда вы обратили на это мое внимание.

— Дайте мне немного подумать.

С этими словами Холмс уселся на край баллюстрады. Я видел, как его подвижные глаза бросали то в одну, то в другую сторону вопрошающий взгляд. Вдруг, одним прыжком соскочив на землю, он кинулся к противоположной баллюстраде, вынул из кармана лупу и принялся рассматривать поверхность плиты.

— Любопытно! — произнес он.

На сером фоне камня резко выступало серое пятно, которое могло быть в диаметре самое большее с шестипенсовую монету: если смотреть с близкого расстояния, то можно было заметить, что поверхность выщерблена каким-то ударом.

— Здесь нужен был довольно сильный удар.

И, свою тростью он ударил несколько раз по краю плитки, не оставив на ней ни малейшего следа.

— Да, пришлось сильно стукнуть! — продолжал он.

И в месте довольно странно: не сверху вниз, а снизу вверх. Ведь удар был нанесен по нижней грани... Положим, оба факта могут и не стоять в какой-либо связи один с другим, но созвучие заслуживает внимания. На земле, как вы мне сказали, не было никаких следов?

— Никаких! Тем более, почва здесь очень твердая.

— Тогда нам остается только направить свои стопы к дому, чтобы посмотреть на оружие, о котором вы нам говорили, а затем я должен побеседовать с мисс Денбар.

— Мне кажется, что личная жизнь нашего миллиардера сложилась далеко не блестяще, — сказал мне Холмс, когда мы возвращались на вокзал после осмотра всей коллекции оружия. — Мы собрали, Ватсон, довольно большое количество фактов, но я далек еще от к.-л. заключения. Известно, что в тот момент, когда была поднята тревога, Джибсон находился у себя в библиотеке. Обед окончился в половине девятого; до этого момента ничего не случилось. Правда, тревога была поднята в довольно поздний час, а потому и самая драма произошла около того времени, которое указано в записке гувернантки. Нет никаких доказательств, что мистер Джибсон выходил из дому хотя бы на минуту после своего возвращения из Лондона в пять часов. С другой стороны, мисс Денбар признает, что у нее было свидание с мистрис Джибсон около моста. Дальше она ни о чем не хочет говорить, так как ее адвокат посоветовал ей оставить про запас свои средства к защите. Нам нужно расспросить ее о некоторых вопросах первостепенной важности. Должен признаться, что ее дело казалось мне весьма скверным, не будь здесь одна деталь.

— Какая, Холмс?

— Тот факт, что нашли револьвер в ее гардеробе.

— Но, чорт возьми, Холмс. Этот-то факт и обвиняет ее, по моему мнению!

— Ошибка, Ватсон! Даже с первого взгляда я считал его весьма странным. Теперь, же когда я лучше ознакомился с делом, это единственный факт, на котором я основываю свои надежды.

Я не улавливаю вашей мысли.

Предположим на минуту, Ватсон, что вы женщина, .. хладнокровно задумали убить соперницу. Вы пишете ей записку. Жертва является. Оружие у вас в руках и вы совершаете свое преступление. Это вполне правдоподобно. Но, доказав свою ловкость в исполнении своего намерения, станете ли вы губить свое дело и репутацию, забывая бросить оружие в эти камыши, а почувствуете непреодолимую потребность отнести оружие к себе домой, чтобы

сунуть его в свой гардероб, т. е. в такое место, где непременно его будут искать. Я не представляю себе, что вы можете совершить поступок, влекущий за собою такие забавные последствия.

— В лихорадочном возбуждении момента...

— Нет, Ватсон, нет, это невозможно! Кто хладнокровно заранее обдумает преступление, тот не менее хладнокровно заранее обдумывает и все способы ускользнуть от ответственности. Я надеюсь, что здесь мы стоим перед важной ошибкой. Возьмем другой факт, касающийся револьвера. Мисс Денбар говорит, что ей незнакомо это оружие. Согласно нашей нисвой теории, она говорит правду. Значит, это не она положила револьвер в гардероб. А если не она, то кто же? Кто-то, хотевший ее погубить. Не он ли и есть настоящий преступник, этот кто-то? Вы видите, как сейчас же мы выходим на путь, который полон всяческих сюрпризов.

На следующее утро, совместно с адвокатом Джойсом Куммингсом, которому была доверена защита, мы получили разрешение повидаться с молодой особой в ее тюремной камере. Я ожидал перед собой увидеть красавицу, но мне никогда не забыть того впечатления, которое мисс Денбар произвела на меня. Я понял, почему даже всемогущий миллионер нашел в ней нечто сильнее его самого, нечто такое, что подчиняло его и управляло им. Чувствовалось в этом строгом, таком правильном и все же подвижном лице то благородство характера, которое всегда склоняло ее ко всему доброму. Теперь же в ее темных глазах было какое-то молящее, беспомощное выражение загнанного животного, чувствующего вокруг себя раскинутые сети. Но когда она поняла, что мой знаменитый друг приходит к ней на помощь, то легкая краска выступила на ее бледных щеках и луч надежды заблестал в том взгляде, который она обратила на нас.

— Быть может, мистер Нейль Джибсон коснулся в разговоре с вами и того, что у меня с ним происходило? — спросила она тихим, взволнованным голосом.

— Да! — ответил Холмс. — Но вам не нужно посвящать нас в эту часть истории. Я принимаю без возражений все утверждения мистера Джибсона. Но почему все обстоятельства дела не были изложены вами при допросе?

— Мне казалось невероятным, что подобное обвинение может быть поддержано. Я думала, что если мы подождем, то все само собой обнаружится и не нужно будет входить в мучительные подробности интимной семейной жизни.

— Милая моя барышня! — воскликнул с жаром Холмс. — Прощу вас не строить никаких иллюзий на этот счет. Присутствующий здесь мистер Куммингс заверит вас, что в данный момент все карты не в нашу пользу. Поэтому помогите мне добиться правды всем, что только в ваших силах.

— Я ничего от вас не скрою.

— Тогда расскажите нам, каковы были истинные отношения у вас с женой мистера Джибсона.

— Она ненавидела меня, мистер Холмс! Она ненавидела меня со всем пылом своей южной природы. Она была женщиной, которая ничего не делает наполовину, и мера любви ее к мужу была в то же время мерой ее ненависти ко мне. Возможно, что она неверно понимала наши отношения. Я не хотела бы ссуждать ее, но она любила так горячо в физическом смысле слова, что не могла понять нравственную и даже духовную связь, которая ее мужа привязывала ко мне.

— А теперь я попрошу вас рассказать подробно, что произошло в тот вечер.

— Я могу рассказать вам всю правду, поскольку сама ее знаю, мистер Холмс, но мое положение таково, что я не в состоянии что-либо доказать. В тот вечер я получила утром записку от мистрис Джибсон. Записка лежала на столе в классной и, может быть, была ею оставлена там собственноручно. Она умоляла меня выйти к ней на мост после обеда, говорила, что ей необходимо сообщить мне что-то важное и просила оставить ответ на солнечных часах в саду, так как ей хотелось, чтобы никто не знал о нашем свидании. Я не видела никаких причин держать все это в секрете, но согласилась на приглашение. Она просила меня уничтожить записку и я сожгла ее в камине в классной комнате.

— Но она весьма заботливо удержала у себя ваш ответ?

— Да, я с изумлением узнала, что моя записка была у нее в руке, когда она умерла.

— Хорошо, что же у вас произошло?

— Я пошла, как обещала, и, когда подошла к мосту, она ждала меня. Право, мне кажется, она была сумасшед-

шей, с очень развитой способностью к обману, какая часто бывает у безумных. Как же иначе объяснить, что она могла равнодушно встречаться со мною каждый день и, вместе с тем, питать ко мне в глубине своего сердца такую бешеную ненависть. Я не буду повторять того, что она говорила. Она излила всю свою дикую ярость в ужасных словах. Я даже не отвечала, заткнула себе уши и бросилась бежать прочь. Она же стояла у входа на мост и выкрикивала проклятия по моему адресу.

— А где ее потом нашли?

— В нескольких шагах от этого места.

— И тем не менее, если предположить что она умерла вскоре после того, как вы ее покинули, выстрела вы не слышали?

— Нет, ничего не слышала. Я была так взволнована и испугана этим страшным взрывом ненависти, что побегала обратно в свою тихую комнату и уже неспособна была обращать внимание на происходившее.

— Вы говорите, что вернулись к себе в комнату. Выходили вы из комнаты потом до следующего утра?

— Да! Когда подняли шум, я выбежала в сад вместе с другими.

— Видели ли вы мистера Джибсона?

— Он бежал туда же, и я его увидела по возвращении, когда он только что извещил доктора и полицию.

— Он показался вам очень взволнованным?

— Это человек энергичный и владеющий собою. Но я его хорошо знаю, и уверена, что он был глубоко опечален.

— Мы подходим сейчас к самому главному пункту. Револьвер был найден в вашем гардеробе. Вы видели раньше это оружие?

— Никогда, клянусь в том.

— Когда его нашли?

— На другой день после происшествия, утром, во время обыска, произведенного полицией.

— Между вашими платьями?

— Под моими платьями, на нижней полке, внутри шкафа.

— Не сможете ли вы сказать, с какого времени находился там револьвер?

— Никануне, в это же время, его там не было.

— Откуда вы это знаете?

— Накануне я приводела в порядок гардероб.

— Значит, кто-то проник в вашу комнату и положил револьвер на это место. Но в таком случае, когда можно было войти к вам без вашего ведома?

— Или во время завтрака, или в те часы, когда я была с детьми в классной комнате.

— Благодарю вас, мисс Денбар. Не припомните ли вы еще какого-нибудь другого факта, который мог бы пролить свет на наше обследование?

— Никого, если моя память мне не изменяет.

— Как раз против того места, где лежало тело, мы заметили на баллюстраде моста знак от удара. Чем его можно объяснить, по вашему мнению?

— Вероятно, простое совпадение.

— Любопытно, мисс Денбар, любопытно. Почему появился этот знак в таком месте и как раз в тот момент, когда произошла драма?

На бледном лице Холмса выразилось напряжение, тот отпечаток какого-то отсутствия, который всегда появлялся, когда в его мыслях происходил какой-то перелом. Вдруг он сорвался со стула, увлекаемый потребностью действовать.

— Идем, Ватсон, идем! — закричал он мне. — Мистер Куммингс, я извещу вас; потерпите до завтра, мисс Денбар. Я хочу только сказать вам пока, что правда в конце концов восторжествует.

Когда мы снова очутились в вагоне, то мне, как и Холмсу, весь путь казался бесконечным. Холмс не мог сидеть на месте: он лихорадочно расхаживал взад и вперед по вагону или барабанил пальцами по подушкам дивана.

— Ватсон, вы всегда носите оружие при себе во время наших маленьких прогулок? — спросил он, когда мы стали приближаться к месту назначения.

Я вынул из кармана маленький и удобный револьвер.

Холмс открыл барaban и посмотрел патроны.

— Я полагаю Ватсон, что ваш револьвер будет тесно связан с решением нашей задачи.

— Вышутите, Холмс?

— Я говорю самым серьезным образом. Нам предстоит произвести опыт. Если он удастся, наша задача решена. Все зависит от того, как будет вести себя это оружие. Вынем один патрон. Вот так. Вложим остальные пять и поставим спуск на предохранитель. Так, вся картина теперь правильно восстановлена.

У меня не было ни малейшего представления о том, что задумал Холмс, сам же он не соблаговолит поделиться со мной своей идеей. Выйдя из вагона, мы сели в экипаж и заехали по пути в деревенскую (сакалейную) лавочку, где приобрели целый клубок прочной сичевки.

Солнце садилось, когда мы вышли из экипажа. Серкант шел рядом с нами, переваливаясь с ноги на ногу, и гремя от времени поглядывая искоса на моего друга, как будто сомневался, в своем ли тот уме. Приблизясь к месту преступления, я заметил, что, несмотря на свой обычно равнодушный вид, Холмс сильно волнуется.

Мы пришли. По дороге Холмс крепко привязал один конец сичевки к ручке револьвера. По

указанию представителя полиции он тщательно отметил то место, где было обнаружено тело. Потом принялся искать что-то среди вереска и папортника; принес оттуда очень большой булыжник, который и привязал к другому концу сичевки и, перекинув камень через баллюстраду, свесил его над водой. Наконец он вернулся на роковое место, держа в руке мой револьвер таким образом, что по мере того, как отходил от перил, тяжесть булыжника натягивала сичевку, привязанную к ручке револьвера.

— Ну, готово! — воскликнул он.

С этими словами, подняв револьвер на уровне своей головы, он выпустил его; оружие, увлекаемое тяжестью булыжника, с сухим треском ударилось о плиту баллюстрады, перекинулось через нее и упало в воду. Холмс уже стоял на коленях перед баллюстрадой и радостный крик известил нас об успехе его опыта.

Она ненавидела меня, мистер Холмс!

— Видали ли вы когда-либо более совершенное доказательство. Ваш револьвер решил задачу, Ватсон!

И указав на вторую, свежую выбоинку на плите, совершенно той же формы и величины, как и первая, он обратился к удивленно смотревшему на него сержанту.

— Если вы соглашаетесь достать драгу, то вам не трудно будет вернуть моему другу его револьвер. Рядом с ним вы найдете еще один револьвер, бичевку и груз, с помощью которых мстительная женщина пыталась замаскировать свое самоубийство и навлечь на другую женщину обвинение в убийстве. Вы можете предупредить мистера Джибсона, что завтра утром я переговорю с ним относительно принятия мер к оправданию мисс Денбар.

Вечером мы закурили свои трубки в деревенской гостинице и Холмс изложил мне вкратце все дело.

Я боюсь, Ватсон, что это дело мало что прибавит к моей славе. Я не сумел внести в него ту смесь воображения и здравого смысла, которая лежит в основе моего искусства. Одна уже плита баллустрады должна была направить меня на верный путь к решению задачи; мне досадно, что я раньше не пришел к нему. Конечно, средства, пущенные в ход несчастной мистрис Джибсон, были слишком искусно запутаны, чтобы можно было сразу догадаться. Мне кажется, ни в одном из наших приключений мы не найдем более странного примера того, на что способна извращенная любовь. Когда на ее заверения в любви, муж отвечает ей только мерзкими поступками и гнусными

словами, то она приписывала, конечно, свою обиду молодой девушке, совершенно ни в чем неповинной. Первой ее мыслью было убить себя; второй — взяться за это таким образом, чтобы подвергнуть мисс Денбар еще более страшной участи.

Мы можем проследить шаг за шагом развитие ее мысли: она проявляет замечательную изобретательность, сначала она находит способ получить от мисс Денбар записку, из которой можно было бы видеть, что молодая девушка сама выбрала место преступления; заботой о том, чтобы записка была непременно найдена, она чуть-чуть сама не погубила всего своего замысла, зажимая записку в руке в тот момент, когда убивала себя. Один этот факт должен был бы гораздо раньше пробудить во мне подозрение.

Потом она берет один из револьверов, которых, как вы видели, у ее мужа огромный выбор, и хранит его для собственной надобности; но утром в тот день, когда совершится ее зловещее решение, она прячет похожий револьвер в гардероб учительницы, выстрелив перед этим один раз, что легко могла сделать в лесу, не привлекая ничьего внимания. Наконец, она отправляется вечером на мост. Она придумывает чрезвычайно остроумный способ, как после своей смерти заставить оружие исчезнуть. Встретившись с мисс Денбар, она употребляет всю свою энергию, собирает все свои силы, чтобы выкрикнуть ей в лицо свою ненависть, а когда та обращается в бегство, она стреляется. Вот все звенья на месте и цепь завершена.

КИНО У ЛЮДОЕДОВ

Очерк М. Джонсона.

Несколько лет тому назад английскому путешественнику Мартину Джонсону удалось проникнуть в дебри мало исследованного острова Малликоло, второго по величине из группы Ново-Гейбридских островов в австралийском архипелаге. При содействии одного католического миссионера, ему удалось свести знакомство с людоедами племени «Большой Намбо», которых он заснял для кино. Вскоре, однако, Джонсон вынужден был бежать с острова, так как каннибалы начали вести себя вызывающе. Фильм из жизни людоедов с Малликоло обошел много европейских и американских городов и пользовался всюду огромным успехом.

Этот успех побудил Джонсона снова отправиться в Малликоло. На этот раз он явился к людоедам, как старый знакомый, в сопровождении своей жены Озы, француза Мезуэй и жителей островов Санто, Пероля и Стефенса. Решив показать людоедам фильм из их собственной жизни и, воспользовавшись этим случаем, снова заснять их, Джонсон на ломаной смеси всех известных ему языков объявил Начапате, вождю племени «Большой Намба», что он покажет ему, его подданным необычайное зрелище и, крме того, одарит всех табаком. Вот как описывает сам Джонсон этот необычайный спектакль.

* * *

Наступил день представления. Ранним утром мы привезли на нашем китобойном судне мой кино-аппарат со всеми принадлежностями. Быстро были сделаны все приготовления к спектаклю. Когда же я снова проверил освещение, то заметил, что мой аппарат не в порядке. Я пришел в форменное бешенство: два года я подготовлял эту кино-съемку, а теперь все должно было расстроиться из-за такого пустяка.

Световая установка приводилась в действие вручную. Рядом, с необычайным терпением работали несколько часов подряд дикари, по двое у каждого рычага. Но все было напрасно: ни одна искра не показалась. Тогда я решил бросить это дело и дал знак дикарям, чтобы они прекратили работу. Однако, они меня плохо поняли и подумали, что им следует работать еще быстрее. Они стали

действовать бешеным темпом, с гигантским напряжением всех своих сил. Тогда случилось чудо: вспыхнул свет.

Между тем берег наполнился уже людоедами. Я думал, что они проявят интерес к моим машинам. Однако, дикари не обращали на них никакого внимания и, не выпуская оружия из рук, плюхались грузно на песок. Среди них не было ни одной женщины, только трое или четверо детей пришли на праздник. Несмотря на мое обещание подарить им табак, они не особенно мне доверяли и на случай предательства с моей стороны запаслись оружием. Когда наступила ночь, дикари стали проявлять явные признаки беспокойства. Они не понимали всех этих приготовлений, которые ни к чему не ведут: им нужны были действия.

Я понял, что необходимо немедленно начать представление, иначе оно уже никогда не состоится, и еще раз осмотрел свой аппарат. Так как я не знал, как дикари отнесутся к картинам, я расставил с обеих сторон экрана и у аппарата вооруженные посты. После этого я попытался рассадить своих гостей перед экраном. Однако, их терпение уже истощилось, к тому же они боялись предательства с моей стороны и ни за что не хотели меня выпустить с поля зрения. Дикари были страшно возбуждены и я боялся, что они могут каждую минуту убежать в джунгли. Положение спасла Оза. Она взяла Начапате под руку и пригласила его сесть рядом с собою. Тогда и остальные дикари подошли поближе, и представление началось.

Сперва на белом полотне показался большой четырехугольник, потом на 100 метров пошли различные надписи. Дикари сосредоточивали свое внимание то на странных буквах, то на белых лучах, которые струились над их головами. Они смотрели то вперед, то вверх, то назад и без конца разговаривали между собою. Тогда на экране медленно выплыл образ знакомой им Озы. Дикари от ошелобления затаили дыхание. Ведь Оза сидела рядом с Начапате и вместе с тем та же Оза находилась на полотне. Оза, которая была на экране, подняла голову и стала озира́ть присутствующих. Поднялся невообразимый рев.

«Оза, Оза, Оза!», — кричали дикари, давились от смеха и визжали, как расшалившиеся школьники.

Я опасался, что мои гости при первом же появлении моего волшебства сорвутся в ужас с места и убегут. Однако, знакомый образ моей жены их совершенно успокоил и я был уверен, что теперь случится то, что должно было случиться.

Я демонстрировал им картину, как Оза и я выходили из отеля «Астор» в Нью-Йорке. Потом перед взорами необычных кино-зрителей предстали восторженные массы народа, заполнившие нью-йоркские улицы в день заключения перемирия. Затем последовали виды Чикаго, Сан-Франциско, Лос-Анжелоса, Гонолулу, Токио и Сиднея. Начавшие при этом заметить, что он и не подозревал, что на

шего людоедов. Факелы скоро сгорели и мы попытались вернуть беглецов обратно на место. Я снова начал демонстрировать фильм с Начапате с самого начала. Воодушевление и шум росли с каждой секундой, так что в конце концов, нельзя было больше разобрать ни одного слова. И было от чего шуметь! Ведь почти каждый дикарь, появлявшийся на полотне, находился среди зрителей. За последние два года они нисколько не изменились, разве только, как ехидно заметила Оза, к каждому пристало еще несколько грязных пятен. Как только на экране появлялся новый дикарь, собравшиеся с воодушевлением выкрикивали его имя, смеялись и корчились от восторга. В это время на экране появился дикарь, который умер около года тому назад. Чернокожие были страшно пора-

земле имеется так много людей и сделал заключение, что остров, с которого я приехал, значительно больше Малликало. Быстрым темпом пропустил я кадры с изображением пароходов, автомобилей, аэропланов, слонов, страусов, жирафов. К моему удивлению, все эти кадры не произвели на дикарей никакого впечатления и они пропустили их молча. Дикари просто не могли понять, что означают все эти дикийные штуки. Тогда я постепенно перешел к изображениям, которые были ближе воображению моих гостей, к видам Бао, Санто и других ново-гебридских островов.

Теперь уже наступило время действовать. Я указал Мезуэй, как он должен обращаться с ручкой аппарата, а Стефенсу и Пероллю передал факелы с магнийем. Сам же я стал за камерой для кино-съемок и направил ее на зрителей. После 50 метров заголовков внезапно на полотне показалось лицо Начапате. Дикий рев вырвался из груди доедов. «Начапате! Начапате!» — неистово кричали собравшиеся. В это время вспыхнул магний, и я усиленно завертел ручку аппарата, чтобы получить новый фильм, как каннибаллы смотрят на самих себя в кино. Испугавшись вспышки, чуть ли не две трети людоедов бросились наутек в джунгли. Начапате же и окружавшие его дикари остались на месте. Таким образом, в моем новом фильме должна была запечатлеться сцена дикого страха, охватив-

жены — я стал в их глазах могущественным волшебником, который умеет воскрешать мертвых.

Когда представление закончилось, негры возбужденно стали ходить взад и вперед и, собираясь в группки, делились впечатлениями — совсем как в Европе! Потом они явились ко мне и потребовали вознаграждения за то, что они мне доставили удовольствие своим присутствием на зрелище. Я дал всем дикарям по пачке табаку, и каждый при этом говорил мне одинаковые слова. Я и до сих пор не знаю, означало ли это «спасибо» или «доброй ночи».

Когда мы упаковали свои аппараты, чернокожие вырезали себе бамбуковые палки для факелов. Каждый подходил к костру, зажигал свой импровизированный факел, а потом они все гуськом ушли к себе в горы. Мы распрощались с Перолем и Стефенсом, которые пожелали немедленно уехать в Санто, и стали готовиться к отплытию на катере Мезуэй. Но мотор на катере оказался неисправным и пока Мезуэй возился с ним, я уселся со своей женой на берегу и наблюдал факельное шествие людей «Большого Намба», которые пробирались по непроходимым тропам к своему селению. Как огненная змея пробиралось сквозь лес это шествие в ту черную ночь. Ничего более величественного я никогда не наблюдал.. Вот скрылась голова отряда за черной вершиной. Через полчаса темнота поглотила последний факел. В этот момент загудел мотор.

НАШЕ ЖИЛИЩНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Очерк Славентатова

Здесь была степь. Бескрайняя, необозримая степь. Пампасы. Степи сейчас нет. Здесь — Чикаго.

Сто двадцать лет тому назад Чикаго не было... Здесь жили поселенцы. Энергичные первые поселенцы, пришедшие на девственные места Нового Света.

Читатель, помните Майн Рида, Фенимора Купера? Помните стрелков, бьющих без промаха? Следопытов с собачьим чутьем? Смелых ковбоев?

Никаких стрелков, никаких ковбоев! Ковбой теперь мчит на автомобиле, а собрание старейшин уцелевшего индейского племени выбирает президента Кулиджа вождем племени. Романтическое прошлое растаяло как дым. Первый поселенец превратился в фермера и пыхтение Фордзона он предпочитает ржанию лошадей. Свободолюбивый ковбой сменил живописные брюки с бахромой на современный пиджачный костюм. Он теперь разводит скот не из любви к вольной степной жизни. Интересы наживы, олицетворенные бесчисленными гуртами скота у чикагских скотобоен — вот что прельщает его.

Доллар сделал свое дело. Он передвинул людей, как шахматы на жизненной доске, он заставил изменить их облик. И там, где простиралась необозримая степь у озера Мичиган, там начали расти, перегоняя друг друга, аллеи небоскребов. На дрожжах американского капитализма со сказочной быстротой выросли города-гиганты. Каких-нибудь тридцать тысяч жителей было в Чикаго в 1850 году, через сорок лет — в 1890 г. их было уже миллион, а в наши дни 2.700.000.

Вот Нью-Йорк 1800 года. Всего 62 тысячи населения! Но достаточно было провести в штате канал и через пятьдесят лет в городе было уже 660 тыс. человек населения. 1890 г. застает его исполином, в котором живет более 2½ миллионов человек. В наши дни в Нью-Йорке 9.100.000 человек. — Первый по величине город в мире.

Так росли города не только в Новом Свете, но и в Европе. Вот один пример. 1849 год. Эссен — небольшой, скромный городишко, так тысяч девять жителей. Около города небольшой, незначительный, сталелитейный заводик. Проходит год, другой. Проходит сорок лет. Завод растет. Завод ширится. Он уже не заводик, он — исполин, знаменитый пушечный завод Крупна. Эссена не узнать. В нем 70 тысяч жителей. В наши дни он насчитывает 439 тысяч населения.

В то время как бурный расцвет промышленности вызвал к жизни на голых местах новые города, все больше и больше разрастались старые. Лондон в наши дни насчитывает 7.476.000 жителей, Берлин — 3.804.000, а Париж — 2.906.000.

Подумать только, что в Европе в начале XIX века было только 1,5% городских жителей, а в конце века это число уже дошло до 10%.

Вы представляете себе, читатель, какое переселение народов произошло за эти сто лет? Как передвинулись за это время людские пласты? Как в переполненные города нахлынула людская волна?

К НЕБУ!

В XIX веке, веке лихорадочного роста городов, цена земли поднялась на небывалую высоту. И жителям, и конторам, и банкам, и заводам, — всем нужна земля. И цены на землю, благодаря росту городов, еще сильнее поднялись из-за бешеной земельной спекуляции.

Все меньше пустырей, все короче колодцы-дворы. В Берлине, в Париже, в Лондоне, — во всех крупных центрах дома строились с одним расчетом: побольше втиснуть жильцов, побольше выколлотить прибыли.

Душно стало в городах! Дома полезли вверх, к небу, ибо там пока еще участками не торгуют!

Так возникли небоскребы. Так возникла эпоха железобетона. Старый честный кирпич, он должен будет отойти в вечность. Добрые старые леса вокруг построек, и они должны будут уйти. Что может быть нелепее деревянных лесов на высоте тридцатого этажа? Не выросли еще в девственных лесах такие мачтовые сосны, из которых можно соорудить подобные постройки. Вместо кирпичной кладки — стальной каркас, заполненный бетоном. Вместо деревянных лесов — лифты и лебедки. Так строятся небоскребы.

Эти дома-исполины подавляют своей величиной. Но они построены не на окраине. Они все вздымают свои громады в центре города. А чем дальше от центра, тем здания становятся все меньше и хуже. Все ниже и ниже спускается социальная лестница... И пусть в Лондоне эти окраины носят название Уайтчепеля, в Нью-Йорке — Ист-Энда, в Петербурге — Обводного канала — все равно у всех одна маска: маска нужды и обреченности.

...[Вот столица «владычицы морей» — Лондон]

В городах негде повернуться. Потоки автомобилей медленным шагом передвигаются в городских центрах. Подземки и надземки переполнены. Но где граница этому? До каких границ будут лезть вверх этажи? И если промышленность развивается все дальше и дальше, то где же границы тому дождю копоты, который незримым дождем оседает на современные города? В Ливерпуле на 1 кв. миль ежегодно опускается 560 тонн сажи. В Питтсбурге угольная пыль вошла прямо таки составной частью в воздух.

Нужен выход. Тогда возникла идея Гоуарда о городах-садах.

Там и сям возникают поселки-зародыши городов будущего. Вот поселок Новый Тернье во Франции. Цветущий городок разбит на 3 круга, которые соединяются между собою. В центре каждого круга общественное здание. И всюду зелень, зелень... Заборов между домами нет. Их заменяет незаметно протянутая среди зеленых кустов проволока на особых столбах.

В рабочем поселке Баурнвил в Англии правило: каждый дом занимает не более четверти земельного участка, остальная часть под сад, огород, под зелень. Дома не могут быть выше двух этажей. Все улицы обязательно обсаживаются деревьями. Ближе к дороге сидят кусты шиповника в качестве живой изгороди, затем сажают яблони, груши, сливы, а там ряд лесных деревьев. Домики совершенно скрываются в зелени.

ТАК БЫЛО У НАС.

Неприглядна жизнь рабочих кварталов современного европейского города. Но еще непригляднее, еще ужаснее была она в России.

Белокаменная Москва. Та самая белокаменная, которая вызывала умиление старичков своим малиновым звоном. Это она создала отвратительное явление: «Сдаются в наем углы и койки». Обследование показало, что в этих конурах жило 200.000 человек. Потом это число еще более выросло. Оно достигло ужасающей цифры — 320.000 человек. По всем окраинам Москвы, по Замоскворечью, Хамов-

никам разбросалось 28.000 коечно-каморочных квартир. Десятки тысяч текстильщиков и текстильщиц ютились в неимоверных условиях, лишенные хотя бы глотка свежего воздуха, яркого солнца, свежей зелени.

А когда наступила война положение еще более ухудшилось... Все меньше и меньше строилось домов. И если в 1914 году годовой прирост их достигал цифры, в 700 строений, то в 1915 году на улицах Москвы появилось только 180 новых домов, в 1916 году строительство совсем замерло.

Баку. Город золотистой нефти, город миллионеров. Как жили на его окраинах те, на труде которых построили свои дворцы Нобели и Манташевы?

Квартиры? Нет, конуры и сараи. Целый ряд конур, разбросанных между мазутовыми озерами. Конур, в которых стены покрыты плесенью, в которых спали по двое, по трое на одной кровати. Конур, в которых чудовищная грязь, в которых через гнилой пол просачивается мазут с ржавой водой.

Иваново-Вознесенск, Орехово-Зуево, Серпухов... Ситцевое царство... В этих грязных скученных городах создавались миллионы разных Морозовых.

Сами еще только вчера прошедшие суровую школу какого-нибудь приказчика, побывшие в шкуре домашнего кустаря в изнурительном труде выбивающегося на дороге, закаленные суровой выучкой своих отцов, эти кулаки не склонны были проникаться идеями «проспешенных капиталистов». Это были ревнители стаи. Когда в Иваново-Вознесенске в городской думе возник вопрос о необходимости водопровода, один из богатеев, братьев Гандуриных, с пеной у рта утверждал, что водопроводная вода хуже речной воды, отражаемой фабричными отбросами.

— Отравляемой? Ничего подобного. Гандурин доказывал, что фабричные кислоты и краски, испаряясь, дезинфицируют воздух, от чего-де в городе так и редки эпидемии.

Эти купцы создали знаменитые российские казармы для рабочих, в которых были общие спальни, мужские и женские, часто с нарами в два этажа.

В этих казармах были и еще более оригинальные помещения. Это те же общие спальни, но только в них отдельные места на нарах были несколько ниже и отделялись друг от друга более высокими, достигающими потолка аршин, переборами; на этих местах помещались пары — муж и жена — занавесившись со стороны прохода грязными тряпками. Такие помещения назывались «семейными».

Встречалось, что в одном и том же спальном помещении мужчины, работавшие ночью, занимали днем те места, на которых ночью спали женщины»...

ЗДАНИЯ ГОВОРЯТ...

Когда в молодом организме хрящ превращается в крепкую кость, внутри его твердеет небольшой островок. Потом, в отдалении — другой. Еще дальше — третий. Островки увеличиваются, растут, соединяются между собою перекладинами. И вот уже нет хряща. Есть твердый остов. Кость.

Так в каждом районе наших городов залегают эти островки: дворцы культуры, новые школы, жилые дома. На фоне старых домов высются новые, светлые, необычайной архитектуры. Города наши будут прорастать ими. Из района в район протянутся перекладки. Все гуще, гуще... И лицо старого города станет постепенно исчезать.

Но куда наши города не приняли полностью иной облик, новые отдельные черты выступили на них. Новые черты нового времени. На старых городах, выдавших виды, тесно отложился новый геологический пласт: новые дома, новые строения.

Их сразу видно. Они выделяются своей новой конструкцией. Это время наложило на них свой облик. Так каждое здание своей архитектурой, «окаменелой музыкой», одним своим видом молчаливо говорит о том, с какой эпохой оно связано.

Такова была Москва вчерашнего дня. Москва, уходящая... Посмотри на Москву сегодняшнюю, и ты увидишь «савтра» всей страны.

Все больше и больше здесь новых островков. Во всех районах города рождаются элементы будущего. Прошлое оставило такое постыдное и ужасающее наследие, что всюду нужно затыкать дыры. Приходится сразу закладывать и школы, и больницы, и жилые дома, и научные институты.

На Тверской простер свои шесть этажей центральный телеграф. Железо-бетонный остов здания, облицованный серым гранитом, скрывает в себе нерв всей страны, является сосредоточением, откуда волевые импульсы бегут по всей стране.

На участках 17 десятин идет постройка монументальных корпусов Всесоюзного Электротехнического Института. Здесь будут сосредоточены важнейшие работы по радио и электротехнике. День и ночь идет работа. И днем, и ночью пытит не устывая, трактор на строительстве. Ночью он развозит по территории материалы, а днем работает как двигатель.

8 корпусов просторных, светлых должны выйти из лесов, а машинно-аппаратная лаборатория будет сплошь из стекла.

Дом Госстраха на Бронной высится над Москвой. Москва таких не знала. Он стоит так, чтобы квартиры его 5-й этаж были обращены

на восток, на юг, на запад для лучшего освещения. Так сияет он блестя окнами, и поражая своей странной конструкцией. Крыша плоская, на крыше разбит цветник. Скамейки стоят. Навес от дождя. В доме ванны. Души. Газовые плиты. В каждой квартире. Через стену всего дома проходит общий желоб для целой группы квартир. Опустите в этот желоб мусор и он попадет во двор прямо в специальные ящики.

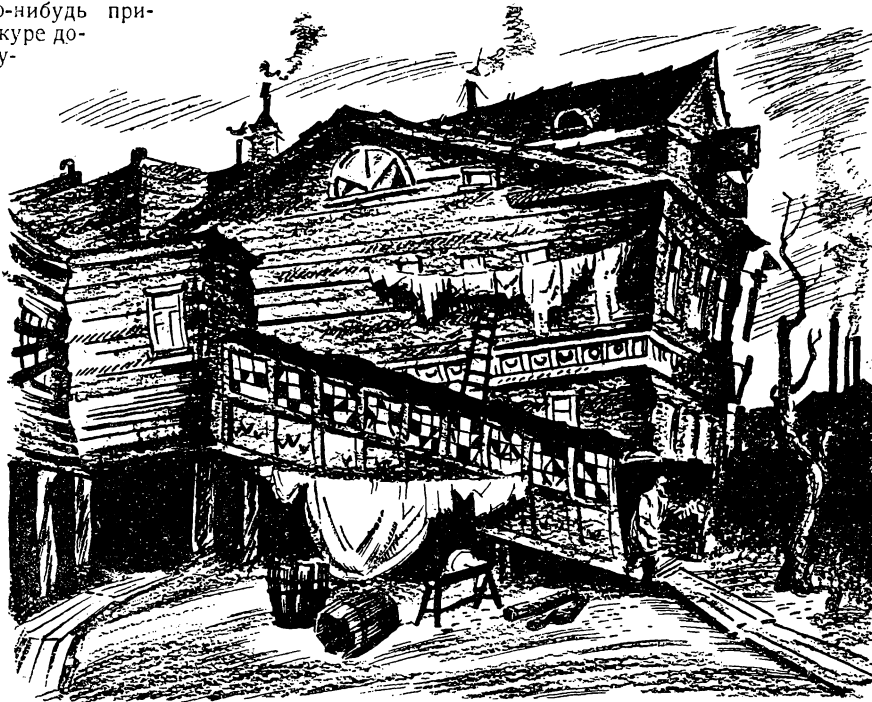
Такой же дом Госстраха стоит по Дурновскому переулку.

Там, где встречаются три вокзала, на Паланчевской площади строится четырехэтажная грандиозная железнодорожная поликлиника. Она уже заканчивается. 100 врачей будут пропускать через эту поликлинику 3.150 человек.

В Ленинской слободе впервые идет капитальное школьное строительство. Вот она, будущая школьная республика. Зал физкультуры. Столовая. Библиотека. Школьный кооператив. Приемная своего врача. Выше — классы. Посещение для педагогического персонала. А кругом «республики» газоны да спортивные площадки.

Вырастают шестиэтажные железобетонные корпуса у Правления Госбанка. В Китай-городе — Московском Сити — спешит отстроиться тоже железобетонная шестиэтажная громадина специально для учреждений.

Там и сям воздвигают тресты, синдикаты, строительные кооперативы свои дома. Этим летом в Москве строилось 57 махин.

Рабочая квартира на окраине.

В ЛЕСАХ.

Точно на экране развевается великая страна. Далекая таежная Сибирь. Бьющий ключом подмосковный промышленный район. Окутанная куревом заводов все-союзная кочегарка — Донбасс. Знойный нефтеносный Баку. И всюду, всюду идет стройка!

На юге, в столице плодородной Украины, преобразается Харьков. Строит новые дома, выпрямляет улицы, а посреди центра возводит невиданный Дом Трестов.

Окончится эта постройка и люди будут приезжать посмотреть на нее. Здание развевается широким веером. Две улицы будут проходить через Дом Трестов. Шесть нависших над провалами улиц мостов будут соединять разобщенные части дома. Местами здание будет подыматься до одиннадцати этажей. С его плоской крыши будет виден весь Харьков.

Таков будет этот дом. Он поглотит около 600 тысяч пудов железа, 500 вагонов досок, 3 тысячи вагонов гранитного камня.

Ореховы-зубовы, иваново-вознесенцы тоже взялись за дело. Им много работы. Вместо казарм нужно соорудить легкие коттеджи.

Донбасс выбирается из конур. Углекопы хотят жить тоже по-человечески. В Биби-Эйбат выстраиваются длинной линией поселки для нефтяников. Сибиряки отстраивают Ново-Сибирск — таежный Чикаго, по всей стране идет горячая скорая стройка.

Едва оправившись от тяжелых лет, строит и Ленинград. Город только почувствовал возможность стройки, и на свои не особенно крупные средства уже торопится заложить основы будущего.

Там, где триумфальная арка открывает перспективу на славную боевую улицу — улицу Стачек, там вырос, действительно, целый острожек будущего.

Постарайтесь представить на минуту, что в отдалении от этих убогих домиков. Тогда перед нами расположится благородный столичный корпус Дома Культуры. Выпуклый полуциркульный фасад, по сторонам две башни. Корпус залит стеклом.

Пройдите теперь квартал вперед. Видите, справа строится четырехэтажное здание с Обсерваторией, местами переходящее в пять этажей? Не худо бы и центру любого европейского города иметь такое здание. Это — трудовая школа им. 10-летия Октября. Теперь обернитесь влево. Эта тракторная улица как-то не похожа на обычные улицы российских городов. Справа и слева уходит вглубь ровная линия трехэтажных домов. Дома общего стиля. Балкончики. Газоны перед улицей. Свободное пространство между каждым корпусом. А если в конце новой улицы повернуться лицом к улице Стачек, то прямо на вас будет глядеть высокая, спокойная башня школьной обсерватории...

«БОЛЬШАЯ МОСКВА».

А теперь мы предоставим слово Михаилу Кольцову.

«... Без десяти десять в центральной часовой станции был дан первый сигнал, вещавший, что только шестьсот секунд осталось до праздника большого Октября.

Во всех неиспорченных часах сорока распухших Советского Союза — башенных, уличных, аэродромных, стальных, каменных, карманных, конюшенных — раздался резкий звон. Циферблаты их, регулируемые по радио, стали

постепенно краснеть... В миллионах хлебов электрофицированных деревень сверхьярославские улучшенной породы скоровы вопросительно подняли головы и удовлетворенно опустили их обратно в кормушки.

Без десяти десять, услышав звонок, взмахнул палочкой дирижер в концертном зале Главного управления музыкальных прожекторов и излучаемый огромными мембранами, вступительный марш поплыл в пространство...

И сейчас же грянули первым тактом многие тысячи военных оркестров в головах необозримых колонн. Войны давно прекратились на большом материке, армии были распущены, но военные оркестры сохранены на вечные времена. К трубам и литаврам были прибавлены заимствованные у XX годов прошлого века знойные ухищрения джаз-банды и соединенный радостный гам поющей меди и трещеток, всегда сопутствовал детям и взрослым при всяких уличных шествиях».

Но Михаил Кольцов не указал в какой Москве это будет происходить. Это будет в Москве нетеперешней, совсем непохожей на нашу старушку. Разве только среди новых домов можно будет узнать здание центрального телеграфного, да дом «Известий» или Гострахна напоминают о первых порах строительства «большой Москвы».

Москва будет новая, широкая, свободная. Со всех сторон ее будет окружать двухверстие к льцу зелени, а в центре города, а в сердце Москвы врежусь три зеленых клина, освежающих деловые кварталы. Здесь будут высились высоченные дома, а вокруг этого делового квартала расположится целая серия пригородов. Города — сады, утопая в зелени, со всех сторон окружают центр.

А там, дальше, по нижнему течению реки распланируется Московский Порт. Московский Порт? Да, порт. Он будет перерывать 500 миллионов пудов грузов. Отдельные его гавани будут представлять закрытые бассейны с широкими входами. Вдоль причальных линий расположатся склады, будут высились свои клювы подъемные краны, во всех

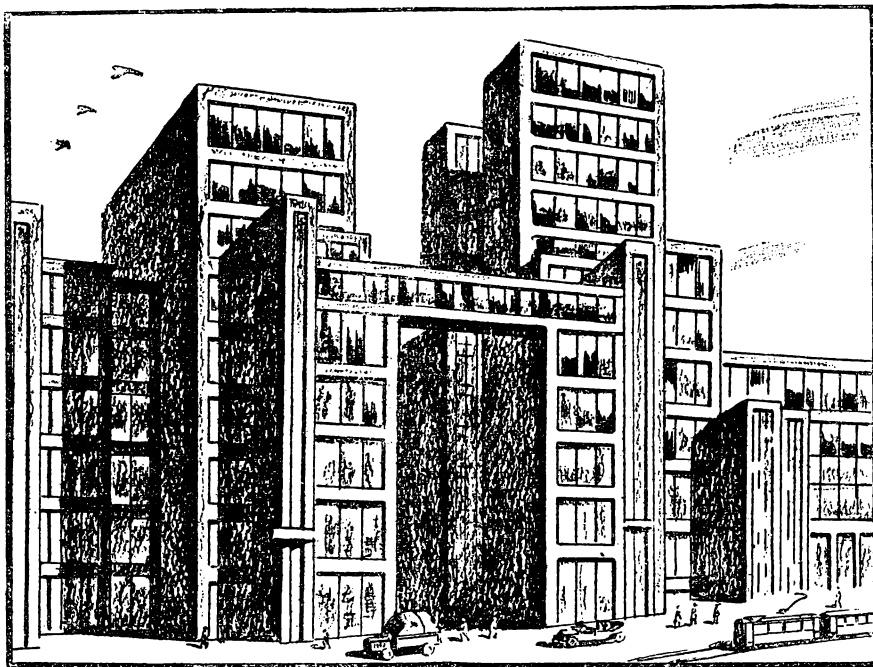
гаванях порта, на складах, на причальных линиях будет работать 52 тысячи рабочих.

Не думайте, что порт, это — фантазия. Еще в 1904 г. возникла мысль о нем, расчеты ученых говорят о том, что наступит время, когда Москва не сможет жить без него. Бурный расцвет промышленности будет искать выхода для своей продукции, и железнодорожный транспорт один не сможет справиться с этой непосильной задачей.

С севера на юг Москву прорежет на легких эстакадах железнодорожная магистраль. От Курского вокзала, тоняря в тоннелях, то выбегая на набережные проляжет вторая магистраль, соединяя центр с окружной дорогой.

Так будут сообщаться части этого города. Старые дома постепенно пойдут на слом. На строительных участках только 30—60 процентов смогут быть заняты зданиями. На окраинах высота домов будет понижаться, только редкие башенные дома будут высились среди зеленых кварталов...

Таковы пути, которые мы избираем, — от купеческих грязных городов к просторным зеленым городам будущего...

Здание Госпромышленности в Харькове.

(Как завоевывается вершина Эвереста).

Очерк В. Николан.

Борьба, которую ведет человек за завоевание горных вершин, как и всякая борьба человека с природой, полна прекрасных, часто трагических страниц. В этой борьбе, всегда сопряженной с физическими лишениями и опасностями, выдержка, энергия и настойчивость человека выступают на первый план и выявляются тем ярче, чем труднее препятствие. Отсюда большое воспитательное значение этих страниц и их захватывающий интерес.

Высота Гауризанкара (или Эвереста) 8860 м. над уровнем моря, т. е. почти на 3 км. выше самых высоких европейских и кавказских горных вершин.

Читателю, знакомому с количеством человеческих жертв и напряженностью усилий, положенных на завоевание каждого отдельного метра высоты кавказских и альпийских гор, легко будет понять, какую волю и настойчивость нужно было для завоевания этих 3.000 м.

ОПАСНОСТИ ГОРНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ

Среди многочисленных препятствий и опасностей, подстерегающих каждого, осмелившегося нарушить извечный покой больших горных высот, на первом месте стоит **холод**. На покрытых вечным снегом горах мороз летом крепче, чем в самую холодную зиму в Сибири.

Затем, **разреженность воздуха**. Движения, связанные с восхождением по крутым и почти отвесным скалам, необходимость цепляться руками и ногами за малейшие выступы, бесконечное число ступеней, которые приходится вырубать в твердых пластах скользкого льда, чтобы подняться еще на несколько метров, — все это требует такого количества кислорода для дыхания (т. е. питания организма), которого не хватает в окружающем воздухе. Чем выше взбирается человек, тем недостаток кислорода становится мучительнее. Вот почему, с известной высоты наступает очень быстрая утомляемость, а затем и полное истощение. Третья постоянная опасность кроется в **ослепительной** пелене рыхлого снега. Его гладкая и однородная поверхность скрывает от взора и глубокие трещины и пласты скользкого, твердого, как камень, льда. Достаточно малейшей оплошности, чтобы потерять равновесие и погибнуть.

К числу опасностей, которых невозможно предугадать, принадлежат **обвалы**, сметающие путников и погребующие целые деревни в снежной могиле, и **снеговые оползни**. Иногда падение тела или сотрясение воздуха от громкого крика приводят в движение тысячепаудовые массы снега. Они, постепенно увеличивая скорость, спускаются по ледяным склонам, сокрушая все на своем пути.

Перечисленные препятствия являются характерными для всех больших горных высот. И вот, часто бывало, что преодолев и пятидесятиградусный мороз, и недостаток воздуха, и сотни скал, по которым нужно было вскарабкиваться, и снеговые поля, в которых гибель на каждом шагу — человек вдруг оказывается перед совершенно отвесной стеной, одолеть которую невозможно. Тогда и именно потому, что «невозможно», он ее одолевает. Так были «завоеваны» Монблан, Монтероза, Ваттергорн, Эльбрус, Арарат и Казбек.

Поистине, история появления первого человека на каждой из этих вершин — это история несокрушимой человеческой энергии.

ПОДГОТОВКА К БОРЬБЕ.

Борьба с Эверестом оказалась сложной, длительной и тяжелой. Кроме вышеперечисленных трудностей, связанных непосредственно с восхождением на вершину, экспедиции Брюсса нужно было справиться с целым рядом других, обусловленных местностью. Эверест возвышается на границе Тибета и Индии, среди цепи Гималайских гор, на много

превышающих европейские высоты и почти не исследованных. Чтобы добраться только до подножья Гималаев, нужно пройти 400 км. каменистой местности, лишенной всякой растительности, дорог и человеческого жилья. Таким образом экспедиции, насчитывавшей кроме 20 основных участников еще 104 носильщика, пришлось включить в свой багаж, начиная от хрупких, научных приборов и кончая мукой и прессованным сеном для лошадей, не говоря о меховом обмундировании, теплых палатках, спальных мешках и т. п. Все это требовало больше 350 вьючных яков и корм для яков также был взят с собой.

РАЗВЕДКА И УСТРОЙСТВО ЛАГЕРЕЙ.

Дойдя до подножья, экспедиция расположилась лагерем и приступила к подготовительным работам. Она обследовала Гималаи, впервые нанесла на карту всю местность и выяснила наиболее удобные посты к горе. Кроме того, изучила условия, при которых попытка взобраться на вершину не будет обречена на неудачу и наметила место для устройства лагеря-базы.

Приходилось спешить. Время для пребывания на большой высоте очень ограничено в Гималаях: всего 12—14 дней в году в конце мая. Раньше мешает мороз, непременный для всякого живого существа, а позже начинается муссон, теплый ветер, вьюги, обвалы и туманы необычайной плотности.

В связи с этим был отдан приказ ускорить ход работ. Лагерь-база был разбит на высоте 5.000 метров (на 182 м выше Монблана) при температуре воздуха — 40. Разреженность воздуха вызвала настолько сильное утомление, что пришлось установить строгую очередь для самых простых обязанностей: собирать навоз для устройства костра, растапливать снег для получения воды, разогревать пищу. Установка каждой палатки потребовала два часа времени и трех смен людей. Пока две смены отдыхали, третья работала.

От этого лагеря до вершины Эвереста, если считать по горизонталю, всего 25 километров. Но устроено еще шесть дополнительных лагерей. Первый, на расстоянии 8 верст от базы, на высоте 6.000 м, второй — на таком же приблизительно расстоянии, на высоте 6.275 м, третий на значительном расстоянии от второго, на высоте 6.290 м; потом расстояния между лагерями сокращаются, зато быстро растет высота. Шестой лагерь был разбит на высоте 8.140 м, т. е. всего на расстоянии 700 метров от высшей точки нашей планеты.

По пути в каждом лагере приходилось оставлять по несколько совершенно обессиленных носильщиков, а до шестого их дошло всего несколько человек, наиболее выносливых; тем не менее палатку шестого лагеря разбили четыре с половиной часа.

На этом закончились работы экспедиции 21-го года и она вернулась к отправному пункту до следующего мая.

ПОПЫТКА 1922 ГОДА.

(Из дневника участника).

22 мая. Марсхед, Сомервель и Нортон предприняли первую попытку достигнуть вершины. Они отправились из пятого лагеря, но, не доходя до шестого, должны были вернуться; Марсхед сильно отморозил себе ноги и двум остальным пришлось на руках отнести его обратно.

5 июня. Поднялся самум и начались обвалы. Отд и приказ спуститься в базу. Работаем медленнее обыкновенного, так как из-за тумана ничего не видно.

24-й ГОД.

Поднявшаяся непогода делала всякую дальнейшую попытку невозможной и экспедиция отложила работу до следующего года. Но ряд финансовых и организационных вопросов, связанных с таким большим и дорогим делом, затянул дело и только весной 24-го года была, наконец, оборудована третья экспедиция и, как и две предыдущих, она была под начальством Брюсса, почти в том же составе участников.

Условия этого года были исключительно неблагоприятны. Еще в конце мая были сильные морозы, доходившие до 56 гр.; затем несколько дней шел снег, сделавший путь еще более опасным, нежели всегда. Устройство лагерей было необычайно трудно. Гораздо раньше нормального началась «теплая» погода, поднялся самум.

Вследствие этого экспедицией были предприняты только две попытки. Первая:

3 июня. Нортон и Сомервель (опять!) с тремя носильщиками организовали шестой лагерь на высоте 8.140 м. 4-го. Нортон и Сомервель достигли высоты 8.540 м, но принуждены были вернуться.

6-го. Нортон спустился в третий лагерь. Доктор Хингстон будет ему делать операцию, но это безнадежно. Он ослеп совершенно. Это у нас третий случай полной потери зрения от «снежного блеска».

И вторая:

6 июня... Маллори и Ирвайн...

7-го. Маллори и Ирвайн достигли шестого лагеря.

8-го. Маллори и Ирвайн вышли по направлению к вершине, снабженные аппаратами с кислородом.

9-го. Остаться ночевать вне лагеря равносильно смерти.

10-го. Одедь с одним носильщиком вышел из шестого лагеря на поиски, но скоро вернулся, так как поднялась вьюга.

11-го. Брюсс младший, Хазард, Сомервель, Хингстон, слепой Нортон и Одедь собрались в третьем лагере. Они полагают, что Маллори и Ирвайн преодолели свою усталость и дошли до цели, но либо у них не осталось сил для немедленного возвращения обратно — и в таком случае они замерзли, либо сбились в темноте с пути и упали в пропасть. Во всяком случае, они были ближе к вершине Эвереста, чем Нортон и Сомервель.

12-го. Погода окончательно испортилась. Дальнейшие попытки в этом году невозможны. Спускаемся в базу.

Удалось ли все же Маллори и Ирвайну победить Эверест? Вопрос остался открытым, но не надолго.

Все предыдущие экспедиции закончились трагически, поэтому в 1927 году была организована новая, хотя и она еще не одолела непобедимой вершины.

Но человек упрям, и то, что не дается просто в руки, хватается зубами... Мертвой хваткой. Человек победит.

25 мая. Брюсс, племьяник, начальник, Финч и индус Тежбир в сопровождении девяти носильщиков достигли шестого лагеря. Однако, вследствие дурной погоды, они не решились ни пойти дальше, ни вернуться, и два дня провели там. Несмотря на аппараты с кислородом, которыми они пользовались, почти не отгиваясь, их силы были парализованы. Когда утром третьего дня они тронулись выше, через 95 метров был из строя Тежбир, а через 122 метра — Брюсс и Финч. Они дошли до 8.357 м.

26 мая. Из шестого лагеря двинулись Сомервель и Нортон. Пример Брюсса и Финча убедил их в полной невозможности устраиваться по пути на ночевку и они приложили все усилия совершить 1.400 метров пути (до вершины и обратно) в течение одного дня. Они двинулись в путь, делая на каждый шаг по десять вдохов и через каждые 20 метров отдыхая по две минуты. По словам Сомервеля, у него сердце билось со скоростью 180 ударов в минуту и идти быстрее было невозможно. Через 250 метров Сомервель изнемог и остался лежать на снегу. Нортон пошел дальше один. Через час он также принужден был остановиться. За час он прошел 2½ м.

3 июня. Подул теплый ветер и погода испортилась. Маллори, Сомервель и Крауфорд, в сопровождении 14-ти носильщиков, вышли из третьего лагеря и с трудом достигли четвертого, но немного выше над ними внезапно обрушился пласт снега и девять носильщиков сорвались в расщелину. Вытащили шесть трупов, двое еще дышали. Одного не удалось найти.

КТО УЧАСТВУЕТ В РОЗЫГРЫШЕ НАШИХ ПРЕМИЙ?

В первом розыгрыше премий (15/III) участвуют:

Годовые подписчики с приложениями и без приложений. Полугодовые подписчики с I по I/VII с приложениями и без них.

Трехмесячные подписчики с приложениями с I/II до I/IV.

Во втором розыгрыше (15/VI) участвуют:

Годовые и полугодовые подписчики с приложениями и без приложений.

Трехмесячные подписчики с приложениями с I/IV до I/VII.

В третьем розыгрыше (15/IX) участвуют:

Годовые и полугодовые подписчики (I/VI по 31 XII) с приложениями и без приложений.

Трехмесячные подписчики с приложениями с I/VII по I/X.

В четвертом розыгрыше (15/XI) участвуют:

Годовые и полугодовые подписчики с приложениями и без приложений.

Трехмесячные подписчики с приложениями с I/X по 31/XII.

Нескольким подписчикам. (Н. Недвига и другим). Вращение всех планет, происходит в одном направлении. Исключение составляют лишь несколько спутников дальних планет, вращающихся около них в обратном направлении.

Журнал «Мироведение» можно выписать из О-ва Любителей Мироведения. Лгр. Ул. Печатников 25. Цена 5 р. в год.

Тунгусский метеорит, упавший в верховьях р. Подкаменной Тунгуски, является видимому осколком кометы Пола-Веннике. Строение и состав его, остаются еще неизвестными.

О световой рекламе, подробности помещены в журнале «Наука и Техника» № 39, за текущий год. За границей она уже широко распространена и в ближайшее время найдет применение и в наших больших городах.

Вал. Игошкину. Более или менее установленным может считаться случай долголетия до 169 лет. (Генри Дженик, умерший в Англии в 1670 г.).

С 1896 по 1924 г. всего было добыто 170 гр. радия.

Хороший карманный фонарик можете найти только случайно в электротехнических мастерских и магазинах. Наведайтесь также в магазины торгующие радиоаппаратурой.

Подписчику № 2127 (с. Брасово). Легенды об осьминогах гигантских размеров, опасных для людей и даже для кораблей, существуют у всех народов. Все эти рассказы сильно преувеличены, но в них есть известная доля правды. Спрут — сильное и свирепое морское животное. Его «руки» несмотря на отсутствие костей, отличаются большой силой. Маленькие спруты легко справляются с крупными омарами. Но встречаются и огромные экземпляры осьминогов, которые находясь в своей родной стихии (в море) могут представлять опасность и для человека. В Средиземном море, самый большой экземпляр был пойман в Ницце одним рыбаком, который с большим трудом овладел своей добычей. Этот спрут был длиной в 3 метра и весил 50 фунтов. В Океане встречаются экземпляры гораздо более крупные: в 5—6 метров длиной (не считая рук), весом в несколько тонн. Такого осьминога встретило в 1366 году близ о. Тепериф — французское почтовое судно. Капитан не решился спустить лодку, боясь за ее судьбу. После трехчасовой охоты удалось получить только задний конец тела животного.

В. Денисьеву. О. Гансе Бехль, дальнейших сведений пока не имеем.

Б. Кузнецову. Отклонить в сторону Гольфштрем невозможно. Его теперешний путь обусловлен строением дна Атлантического океана, очертаниями Северо-Американского континента и влиянием вращения земли. Постройка заслона предложенная рядом авторов научно-фантастических романов на эту тему, вероятно не дала бы реальных результатов. Отвести Гольфштрем в противоположную сторону, т. е. к экватору, вовсе невозможно. Течение возникает благодаря замещению холодной воды — теплой и наоборот. Около экватора вся вода нагрета и замещается уже теплой водой, ей нет никакого основания. Подробно о Гольфштреме см. в № 46 «Науки и Техники» за 1926 г.

М. И. Прокопьеву. Изолированную шелком проволоку можно выписать из отделения Гэта (Лгр. Пр. 26 Окт. 11). Лампочки от 1 до 5 свечей можно достать только случайно.

Макарову. Сведения о способах и сроках охоты найдете в Записной книжке спортсмена (Приложение к нашему журналу на 1928 г.).

Подписчику из г. Кимры. Насчет приобретения чистокровного щенка обратитесь в местный губсоюз охотников или же в Общество поощрения домашнего животноводства (Лгр. Стремянная ул. д. 12).

К. Концевичу. Обратитесь в управление школьной кооперацией (Лгр., пр. Володарского, д. 53).

Ф. Ф. Носову. Смотрите нашу переписку № 1.

Бруно Розину. Чтоб уберечься от змей в шалаше, спите на парусиновой кровати. Для палатки возьмите легкий брезент.

Подписчику № 63 и К. Горлову. Прейс-куронт на моторы малой мощности можно выписывать от завода Villiers, по адресу: Wolverhampton, England. Можно подписаться на весь год и в феврале.

Многим подписчикам. Наши премии разыгрываются в точно указанный заранее день, когда все читатели приглашаются по определенному адресу присутствовать при том, как представители самих же читателей вынимают из вращающегося барабана цифры. Из этих цифр составляются номера выигравших талончиков.

Талончики рассылаются подписчикам с очередным номером журнала.

Розенблату. Вы имеете право участия в розыгрыше премий без какой-либо дополнительной приплаты. Ваша сестра может получить обратно по месту подписки переплаченный ею 1 рубль.

Всем. Просим присылать одновременно не более двух вопросов.

Каждый завербовавший ДЕСЯТЬ подписчиков на „ВОКРУГ СВЕТА“

получает БЕСПЛАТНО ЖУРНАЛ на тот же срок на какой им завербована подписка.

Список завербованных подписчиков, с точным указанием адреса каждого подписчика, должен быть прислан одновременно с переводом денег.

Список подписчиков, с указанием переведенной суммы и указанием своего адреса для бесплатной высылки журнала, посылается отдельным письмом по адресу: Ленинград, 2, Фонтанка, 57, Издательство „Красная Газета“, Отдел распространения. На конверте должна быть надпись: „ЗАВЕРБОВАННЫЕ ПОДПИСЧИКИ“. Подписка может быть принята с 1-го января. Все вышедшие номера и приложения досылаются немедленно по получении заказа или перевода.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1928 г.

„ВОКРУГ СВЕТА“

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ
ПУТЕШЕСТВИЙ, ОТКРЫТИЙ, ИЗОБРЕТЕНИЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

52 НОМЕРА ЖУРНАЛА

24 КНИГИ ПРИЛОЖЕНИЙ каждая размером от 6-ти
до 10-ти печатных листов.

4 РОЗЫГРЫША ПРЕМИЙ: (ВЕЛОСИПЕДЫ, РАДИО-АППАРАТЫ
ОХОТНИЧЬИ РУЖЬЯ И Т. П.),

3 КОНКУРСА

Подписная цена с приложениями и участием в розыгрыше премий:

На один год	8 р. — к.	На три месяца	2 р. 20 к.
На шесть месяцев	4 р. 20 к.	На один месяц	— р. 80 к.

Годовым подписчикам, адресующимся прямо в издательство, — рассрочка:

При подписке — 2 руб., к 15-му марта — 2 р., к 15-му июня — 2 р. и к 15 сентября — 2 р.

Подписная цена на один журнал без приложений:

На один год	4 р. 50 к.	На три месяца	1 р. 25 к.
На шесть месяцев	2 р. 30 к.	На один месяц	— р. 50 к.

О ПРИЛОЖЕНИЯХ

Все приложения на 1928 г. разбиваются на три отдела: первый отведен спорту, охоте, ознакомлению с родной и чужой землей; второй целиком занят серией книжек «По суше, морю и воздуху»; третий заполнен романами и повестями лучших зарубежных авторов.

ПЕРВЫЙ ОТДЕЛ (6 книжек)

Рыболов-любитель. (Увлекательный очерк Лесника о рыбной ловле, с рядом практических советов и указаний). **Озерный край.** (Краеведческие очерки СССР. Книжка осветит своеобразие природы и особый уклад жизни нашего озерного края). **Наш спорт.** (Записная книжка спортсмена на 1928 г.). **Современная Америка.** (Альбом картин и видов, иллюстрир. жизнь американцев в наше время). **Три океана.** (История Великого (или Тихого), Атлантического и Индийского океанов, равно как их современное значение в международной жизни), **Умелю рукой.** (Что может каждый сделать у себя на дому самыми простыми инструментами).

ВТОРОЙ ОТДЕЛ:

„ПО СУШЕ, МОРЮ И ВОЗДУХУ“ (6 книжек).

Содержание этих книжек — ряд увлекательных путешествий и всевозможных приключений во всех уголках мира. В 1928 году в эту серию войдут книжки **Флеровского** «В страну безмолвия». **А. Лебеде** «Великие перелеты». **А. Гей** «Он искал приключений». **Де-Вере-Стэкпул** «У тропиков». **Ж. Тудуз** «Пробудитель вулканов» и друг.

ТРЕТИЙ ОТДЕЛ (12 книжек)

Увлекательные романы и повести видных европейских писателей

К. Хайн: «Новые приключения капитана Кэтли». (Нашим читателям хорошо известен этот автор, который дает здесь ряд новых приключений своего героя). **З. Грей.** На дальнем Западе. (Автор-знаток аме- иканской жизни и дает на романической основе отчетливый образ любопытной и странной для нас жизни). **Е. Д. Биггерс.** «Дом без ключа». (Детективный роман. В тропической обстановке Гавайских островов разыгрывается увлекательная борьба вокруг загадочн. преступления, убийства). **М. Твэн.** «Янки и дворе короля Артура». **М. Твэн.** Рассказы. **Г. Флерон.** Из жизни зверя. **Р. М. Баллантайн.** «Коралловый остров». (Приключения трех юношей выброшенных бурей на необитаемый остров).

О ПРЕМИЯХ И КОНКУРСАХ:

Все подписчики участвуют в розыгрыше следующих премий:

6 велосипедов.	10 столярных наборов.	12 пар лыж.
4 ружья.	10 рыболовных наборов.	12 пар коньков.
4 радио-аппарата.	10 фуфаяк и трусиков.	12 электрических фонарей.
10 карманных часов.	10 футбольных мячей.	40 самопишущих перьев.
		60 перочинных ножей.

Все читатели участвуют также в особых КОНКУРСАХ, победители в которых получают:

ПИСЬМЕННЫЕ ПРИБОРЫ ♦ ПОРТФЕЛИ ♦ КОШЕЛЬКИ-ПОРТМОНЭ

или другие вещи, по их выбору.

Заказы и деньги направлять: Ленинград 2, Фонтанка, № 7, „ВОКРУГ СВЕТА“